

НОВАЯ ПОЛЬША 1/2016

Выпуск изображений

Ежи Помяновский (1921), писатель, переводчик, издатель. Еще до войны начал изучать философию в Варшавском университете, у профессора Тадеуша Котарбинского, а также дебютировал как фельетонист. Раненный во время сентябрьской кампании 1939 г. оказался в Советском Союзе, сначала на шахте в Донбасе, затем в Средней Азии. Там начал изучать медицинские науки. В Польшу вернулся с армией Берлинга. Сначала работал врачом, однако через несколько лет бросил медицину в пользу литературы. Был журналистом, театральным критиком.

Публиковал в журналах «Нова культура», «Свят», «Диалог», был зажитком Национального театра, сценаристом, преподавателем Варшавского университета. Опубликовал тогда сборники очерков о театре, роман «Конец и начало», перевел драмы Льва Толстого, комедии Евгения Шварца, рассказы Антона Чехова, почти все произведения Исаака Бабеля. В 1969 г. уехал в Италию, где был профессором истории польской литературы университетов в Бари, Пизе и Флоренции.

Сотрудничал с парижской „Культурой" Ежи Гедройца. По его инициативе перевел (под псевдонимом Михал Канёвский) «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицина, а также труды Андрея Сахарова, Михаила Геллера и др. В Польшу вернулся в 1992 г. Автор книг о театре («Сезон в чистилище»), о литературе («Магнитный полюс»), о прошлом и будущем Польши в Восточной Европе («Русский месяц с гаком», «К Востоку от Запада»). Переводил стихотворения Ахматовой, Мандельштама,

Мартынова. Избранные поэтические переводы опубликовал в книге «Контрабанда» С 1999 г. главный редактор «Новой Польши».

Содержание

1. Не так уж мы равны, как нам казалось
2. Круги перевода
3. Партии «Право и Справедливость» скажем — стоп!
4. Матеуш Моравецкий — банкир с польской душой
5. Хроника (некоторых) текущих событий
6. Партия «Вместе»: открытие выборов
7. Революционные идеалисты
8. Российский памятник Катыни
9. Польский номер «Вестника Европы»
10. Варшавский long-play
11. Другой Интернационал
12. Выписки из культурной периодики
13. Из книги «Геоглифы» (2014)
14. Культурная хроника
15. О чуткости
16. Британишский

Не так уж мы равны, как нам казалось

В Польше пропасть между богатыми и бедными гораздо больше, чем кажется. А имущественное расслоение вдвое больше, нежели расслоение по доходам, — следует из отчета Национального банка Польши.

О том, насколько велика пропасть, отделяющая богатых и сытых от бедных и голодных, сегодня говорится все чаще. И чего никогда до сих пор не было, мировые авторитеты (во главе с директором-распорядителем Международного валютного фонда Кристин Лагард) подчеркивают, что существующее расслоение слишком велико и ни к чему хорошему это не приведет. Растущее равенство способствует лучшему, более прочному и продолжительному экономическому росту.

Имущество среднестатистического Ковальского

До сих пор в Польше не заламывали рук и не сетовали по поводу наблюдаемого уровня неравенства, так как все доступные данные указывали, что эта проблема нас особо не касается. Из-за социалистического прошлого мы не обзавелись крупными состояниями, поместьями или имуществом, которые бы передавались из поколения в поколение, а система обучения, отлично действовавшая все это время, не препятствовала выпускникам публичных высших учебных заведений претендовать на самые привлекательные должности и добиваться их. Однако новейшие исследования Национального банка Польши (НБП) представляют указанную проблему в новом свете. Дело в том, что банк включил в состав анкетизируемой выборки большее, чем обычно, количество самых богатых граждан. Экономисты НБП проанализировали также не только наши доходы (как это делалось до сих пор), но еще и наше имущество (что важно отметить, на основании данных представленных самими владельцами).

Богаты ли мы? Не особенно. Среднее польское домашнее хозяйство располагает имуществом, стоимость которого составляет 257 тыс. злотых. Причем «среднее» означает, что половина остальных хозяйств беднее, а вторая половина богаче его (в статистике это называется медиана). «Для чистой стоимости имущества решающую роль играли в первую очередь материально-вещественные активы, накопленные данным домашним хозяйством, прежде всего это стоимость основного места жительства (в среднем 282,6 тыс. зл.), а также объем имущества, являющегося следствием ведения хозяйственно-экономической деятельности (в среднем 219,7 тыс. зл.). Финансовые активы имели в процессе аккумуляции имущества гораздо меньшее значение (в среднем они составляли 8,6 тыс. зл.)», — читаем мы в сводном документе НБП.

Наверно, у многих тут же мелькнула мысль, что все эти апартаменты, квартиры и холостяцкие однушки в охраняемых кварталах или микрорайонах — это никакое не имущество, ведь покупалось указанное жилье в долг, и пока что его владельцем в преобладающей части является какой-нибудь банк. НБП изучил и этот аспект. Оказалось, что почти три четверти поляков располагают собственным жильем, и лишь 12% сражаются с ипотечным кредитом.

Имущество в руках богачей

Для нужд данного исследования НБП подсчитал так называемое нетто-имущество. Иными словами, из стоимости располагаемой собственности вычитаются обязательства перед банками, кредиты в различных банковских картах, краткосрочные займы из ссудной кассы взаимопомощи по месту работы, а также покупки в кредит.

Оказалось, что среди самых бедных лишь очень небольшая часть обладает собственной квартирой. Нет у них также и никакого другого имущества. Зато имеются кредиты. Из расчетов НБП следует, что у 10% самых бедных семей нетто-имущество не превышает 2 тыс. злотых. А если сложить нетто-имущество всех таких семей, то окажется, что итог отрицателен — стоимость кредитов превосходит стоимость квартир или автомобилей на целых 3,6 млрд злотых!

На противоположном конце общественной лестницы находится 10% самых богатых, среднее имущество которых оценивается как минимум в 879 тыс. злотых. В общей

сложности они накопили чуть ли не 2,3 триллиона злотых. Однако, чтобы принадлежать к супербогатому 1% общества, необходимо обладать имуществом, которое стоит аж 2,8 млн злотых.

Лучше живется лицам, проживающим в деревне (это каждая третья семья), хотя не все они фермеры, среди них могут быть также владельцы коттеджей, усадеб или имений, расположенных неподалеку от крупных городов. Статистически богаче самозанятые граждане (они включают в состав своего имущества также то, которое связано с осуществляемой ими деятельностью). Причем именно в деревне чаще оказывается сконцентрированным имущество фирмы, да и больше семей живет в собственных домах. «Но вот если сопоставлять неравенство между бедными и богатыми в деревне с разницей между бедными и богатыми в городе, то ситуации вполне сопоставимы», — говорит Петр Баньбула из НБП.

Польша не столь уж равная?

До сего времени мы в Польше внимательнее присматривались к расслоению доходов (сколько мы зарабатываем), а не имущества (сколько мы имеем). Из статистических данных Евростата вытекает, что в нашей стране размах этого расслоения, остается умеренным. Коэффициент Джини, статистически оценивающий степень расслоения общества конкретной страны или региона по отношению к какому-либо изучаемому признаку, составляет у нас около 0,31 (если бы все в стране зарабатывали одинаково, то данный коэффициент равнялся бы нулю; чем он выше, тем больше неравенство). Именно таков средний показатель по ЕС; похоже обстоят дела в Великобритании или Германии. Но НБП говорит, что эти результаты — заниженные. Причем по той причине, что анкетерам трудно добраться до местных крезов, отечественных обладателей несметных богатств. Специалисты по статистике осознавали указанное обстоятельство, но предполагали, что в каждой стране богачи характеризуются похожей неприступностью, а посему и ошибка измерения тоже похожа.

В центральном банке Польши пошли дальше: приняли решение набрать значительно большую случайную выборку состоятельных граждан (тем самым в проводившемся исследовании их представительство оказалось избыточным), руководствуясь при этом, в частности, данными о тех поветах, где платятся самые высокие суммы индивидуального

подходного налога, взимаемого с физических лиц, а также данными всеобщей переписи населения о том, где находятся самые просторные квартиры. Когда коэффициент Джини подсчитали на основании данных, собранных таким способом, то оказалось, что он составляет уже не 0,31, но 0,38. «Масштаб неравенства в Польше, по всей вероятности, больше, чем следует из результатов базового исследования», — добавили эксперты из НБП.

Но в таком случае каким же образом распределяется это наше богатство? На долю одной десятой наиболее обеспеченных домашних хозяйств достается 23% доходов, тогда как доходы одной пятой самых бедных хозяйств составляют всего лишь 7% от общей доходной массы в Польше.

Имущество сконцентрировано заметно сильнее доходов. Ведь коэффициент Джини, рассчитанный применительно к тому, чем мы владеем, составляет уже целых 0,58. Десять процентов наиболее богатых семей владеют 37% суммарного нетто-имущества (иначе говоря, остающегося после вычитания всей задолженности). В свою очередь, у одной пятой самых бедных домашних хозяйств их нетто-имущество составляет лишь 1% суммарного нетто-имущества всех польских хозяйств.

«Показатели имущественного неравенства всегда выше, чем неравенства по доходам. Но они могут оказаться никак не связанными между собой. Возьмем хотя бы Швецию, где люди зарабатывают примерно одинаковые суммы, но существуют аристократические династии, которые накапливали ценности, блага и поместья на протяжении многих поколений. Впрочем, в Польше тоже можно получать маленькую пенсию, но жить в стометровой квартире в престижном доме в самом центре города», — говорит Михал Бжезинский, экономист из Варшавского университета, занимающийся проблематикой неравенства.

«Некоторые исследования показывают, что, чем выше показатели неравенства в обществе, тем ниже темп роста ВВП. Контролировать уровень неравенства можно с помощью разнообразных имущественных налогов (в том числе кадастрового налога, когда налог на имущество физических лиц исчисляется, исходя из его кадастровой стоимости), а также посредством налога на наследство (в Польше он отменен). Поскольку я принадлежу к числу сторонников редистрибуции, имущественное расслоение в нашей стране меня не беспокоит», — добавляет Михал Бжезинский.

Бедная Польша в Европе

А как мы выглядим на фоне Европы? В зоне евро на самый богатый слой общества (10%) приходится половина имущества, а в США — даже 84%. Причем настоящие показатели разницы между Европой и Соединенными Штатами на самом деле меньше, поскольку в Америке умеют лучше собирать данные, касающиеся богачей.

Европейский коэффициент Джини для имущества равняется 0,68. «Похожие на Польшу показатели имущественного разброса наблюдаются в таких странах, как Греция (0,56), Словения (0,53) или же Словакия (0,45), а вот самые значительные уровни неравенства имеют место в Германии и Австрии (0,76), а также на Кипре (0,7)», — таковы результаты, приводимые НБП.

Любопытный случай представляет собой Германия, где стоимость имущества у средней семьи оказывается — вот так чудо! — ниже, чем у польской (51 тыс. евро по сравнению с 61 тыс. евро в Польше). Это происходит потому, что у наших западных соседей менее половины семей (44%) проживает в собственной квартире, — по крайней мере, так объясняет эти данные центральный банк. Именно по этой причине показатели имущественного неравенства оказываются в Германии столь гигантскими — квартиры, которые арендуют рядовые немцы, являются собственностью узкой группы самых богатых жителей этой страны.

Круги перевода

Ежи Помяновский беседует с Алицией Розе и Анджеем Серафином

«Суть работы добросовестного переводчика — постараться, чтобы то, что он переводит, звучало так, будто это написал сам автор, зная язык, на который его произведение нужно перевести». О работе над переводами Солженицына, Мандельштама и Бабеля рассказывает Ежи Помяновский.

Ежи Помяновский перевел для Литературного института «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛаг» Александра Солженицына, книгу Михаила Геллера «Концентрационный мир и советская литература», сборник текстов Андрея Сахарова «Моя страна и мир», а также ряд текстов, опубликованных в парижской «Культуре». Он является автором программных статей, первая из которых — возмущившая консервативные круги белой эмиграции — была написана в 1970 году для русскоязычного номера «Культуры». Его тексты последних лет существования «Культуры» касались политической ситуации в России, развивающейся на наших глазах.

Проблема перевода не сводится к техническим вопросам. Именно от умения переводчика в значительной степени зависело, найдет ли текст своего читателя, какие вызовет реакции. Для проекта такого масштаба, как польско-российское примирение, Гедройцу нередко не хватало квалифицированных переводчиков, а он, хорошо зная русский язык, был весьма требовательным. Поэтому столь важной оказалась его встреча с Ежи Помяновским.

Приведенное ниже интервью войдет в сборник «В поисках утраченной солидарности», это будет первый том из серии «Русская литература в кругу “Культуры”», который под редакцией Петра Мицнера выйдет в 2016 году. Издателями тома являются Институт книги и издательство Университета им. кардинала Стефана Вышинского в Варшаве.

— Нам хотелось бы начать с вашего перевода Александра Солженицына. Как, собственно, сложилось, что вы стали его переводчиком?

— В 1968 году, после «Дзядов»^[1], издательства разорвали со мной отношения и расторгли договоры, которые уже были заключены. Я остался не только без работы, но и без возможности публиковаться и печататься. Тогда во Флоренции проводились международные фестивали, и я был одним из нескольких критиков, входивших в их руководство. Итальянцы вытащили меня, выдумали, что я необходим во Флоренции, в дирекции международных театральных фестивалей. Гедройц сразу же прислал Густава Герлинга, вначале с рукописными еще фрагментами из Солженицына. Лишь потом я получил машинописный экземпляр первых печатных листов.

— У вас были какие-то проблемы с переводом Солженицына?

— Это была каторга, но и невероятно поучительный опыт для меня. Я работал, как пулемет. Под давлением сроков, так как одновременно каждая страница передавалась по радио «Свободная Европа». Однако гораздо больше проблем было у итальянцев, даже с самим названием: «В круге первом». Ведь речь идет о дантовском лимбе, то есть о том первом круге, где находятся осужденные, которых больше некуда было поместить, просто потому, что они еще не могли стать христианами. Итак, там сидят Платон с Сократом, Еврипид с Эсхилом, Вергилий. Именно последний водил Данте по всем кругам ада, начиная как раз с лимба — с первого круга. Поэтому книга так и названа: «В круге первом», что по-итальянски должно звучать „Limbo”, а не „Il primo cerchio”, но итальянцы намеренно неправильно перевели Солженицына, и поэтому в Италии иначе сложилась судьба левого движения, не так, как во Франции. Половина моих знакомых французских коммунистов на вопрос, почему они перестали быть коммунистами, отвечали: «Ну как же? Прочитал «Архипелаг». Он был хорошо переведен на французский и распространялся не через партийную сеть. Итальянцы поступили намного хитрее. Солженицын вышел тиражом издательства «Эйнауди», где постарались перевести как можно лучше, но Джулио Эйнауди, симпатизировавший коммунистической партии, постарался, чтобы перевод и романа «В круге первом», и особенно «Архипелага» не дошел до широкой публики. Он выпустил их в красивой твердой обложке, за большие деньги, купить это можно было только в книжных магазинах, принадлежавших издательству «Эйнауди» либо связанных с ним.

— Это имело существенное влияние на восприятие Солженицына в Италии?

— К сожалению, да. Книга не разошлась, а даже там, где разошлась, была сочтена пасквилем, потому что вся пресса и большая часть преподавателей в Италии — леваки. Очень благородные, так как не ощутили вкуса настоящей власти. Я весьма сожалею об этом, ведь я не только очень люблю Италию, но и считаю ее во многих отношениях страной-лабораторией для Польши.

— А как, собственно, выглядела ваша ежедневная переводческая работа?

— Ну примерно так: мы вставали в десять, жена садилась за пишущую машинку. Это была знаменитая «Эрика» — та, что «берет четыре копии». Как в песне у Александра Галича: «“Эрика” берет четыре копии»^[2]. Итак, я сажал жену и диктовал ей а *prima vista*^[3] с очередных листов, которые присылал мне Гедройц, чаще всего через Густава Герлинга. С этих записей я диктовал часов шесть. В четыре-пять пополудни я просил жену оторваться от моего диктанта и прилечь отдохнуть, а сам садился править или писать. Около восьми вечера я поднимал ее с постели, сажал за машинку, и она опять, протирая глаза, наново перепечатывала поправленные страницы. Занималась она этим до одиннадцати, иногда до двенадцати. Тогда мы ложились спать. А в восемь утра я уже был на вокзале с конвертом, опечатанным сургучной персидской печатью с именем Аллаха. Такую каллиграфию трудно подделать. В восемь это уходило в Париж, где на вокзале конверт встречали либо Зигмунт Герц, либо его жена Зося. Текст был подписан именем Михала Канёвского — персонажа из романа Станислава Бжозовского «Пламя», а еще этот псевдоним я выбрал потому, что мой отец, член ПОВ^[4] и офицер четвертой дивизии ген. Шимковского, принимал участие в битве под Каневом^[5] и был членом Союза каневцев и желиговцев^[6]. Так что, Канев, эта битва и этот союз, плюс ассоциация с «Пламенем» — все это засело у меня в голове, поэтому такой псевдоним. Кроме того, ежедневно точно так же все это отправлялось через проводника в Мюнхен, к Яну Новаку-Езёранскому^[7]. Там Анджей Хоминский, знаменитый актер, ныне покойный, ежедневно читал «Архипелаг» и все три огромных томища прозвучали таким образом по «Свободной Европе», поэтому мне и приходилось переводить книгу в такой спешке.

— Сколько страниц в день вы переводили?

— Минимум десять. Прочтение одной страницы — это две минуты. Три, если чтец — актер. Хоминский был прекрасным декламатором. Это полчаса. Вот так это выглядело. Я замучил жену, ведь попутно мы переводили еще и других авторов — Сахарова, Геллера.

— *Гедройц как-то вмешивался в перевод, что-то правил или просто принимал его?*

— Тереза Тораньская^[8] считала меня «счастливым». Я с этим не соглашался, но, если говорить о Гедройце, то, думаю, в этом отношении я был счастливым. Во-первых, потому что познакомился с ним, во-вторых, потому что он доверял мне, а в-третьих, потому что он никогда не вмешивался не только в мои переводы, но и в мои довольно многочисленные статьи, которые я успел опубликовать в «Культуре» под разными псевдонимами. Он либо отвергал статью, чаще всего вместе с писателем, либо принимал.

— *Редакция «Свободной Европе» знала, кто переводит Солженицына?*

— Конечно, нет. В редакцию «Свободной Европы», несмотря на соперничество Ежи Гедройца с Яном Новаком-Езёранским, переводы пересылал Литературный институт. Трения между ними явно возникли не столько из-за политических расхождений, сколько из-за стремления занять лидирующую позицию среди авторитетов. Это очевидно. Атакующей стороной был здесь не Гедройц, а Новак, которому хотелось выглядеть отличным организатором и конспиратором. Как конспиратор он провалился, проглядев несколько фигур, внедренных на «Свободную Европу». При огромных усилиях собственной контрразведки, он все же недооценил силу госбезопасности. Гедройц предчувствовал это и предостерегал меня перед непосредственными контактами с радиостанцией. Тогда как «Культура» была, по сути дела, непроницаемой, и это понятно, ведь посвященных там было четыре, от силы пять человек. Ежи Гедройц и его брат Хенрик, а также Зофья и Зигмунт Герц. К этому следует добавить еще Густава, который раз в квартал приезжал в Мезон-Лаффит.

— *А когда вы, наконец, раскрыли свое авторство?*

— Я признался только в 1992 году, когда приехал на родину, где в меня вцепился издатель из «Нового польского издательства». Он узнал, что это я переводил Солженицына, так как я обратился в польское авторское общество ЗАИКС с требованием выплат от нелегальных издателей, которые уже

в свободной Польше, после 1989 года, по-прежнему издавали Солженицына и других переведенных мной авторов, не отчисляя ничего ни «Культуре», которая имела соответствующие права, ни мне как переводчику. Я считал, что это нечестно. Пока речь шла о подпольных изданиях до 1989 года, меня это только радовало. Вышло множество неофициальных изданий, перепечаток с книги Литературного института.

— *Существуют ли правила перевода? В чем суть ремесла переводчика?*

— Корней Чуковский, знаменитый критик и переводчик, сказал, что хороший и добросовестный переводчик должен стараться, чтобы переведенный текст звучал так, как его написал бы сам автор, если бы знал язык, на который переводится его произведение. Вот и вся философия. Эта формула Чуковского содержит в себе заповедь уважения к языку и традициям языка, на который переводишь. Поэтому эквиритмические переводы, которые пытаются точно воспроизвести ритм оригинала, как правило, неудачны, если речь идет о языках, не имеющих такой печальной привилегии, каковой обладает польский язык, а именно постоянного ударения на предпоследний слог. Русский язык в этом отношении гораздо более привилегирован. Поэтому перевод русских стихов так, как они написаны, с сохранением версификационных особенностей, чаще всего обречен на неудачу. То же относится к классической поэзии, древнегреческой или латинской. Это доказывают трудности с переводом не только Гомера, но даже намного более легкого Вергилия. По сути дела, старые польские переводы, где верность принципу польской метрики была для поэта уже понятна, естественна и обязательна, намного лучше новых, в которых переводчики пытаются подражать ритму оригинала, из чего получаются такие уродцы, как перевод гекзаметра польским гекзаметром, который недостижим.

Сентенцию Чуковского следует все же дополнить еще одним принципом. Конечно, знание языка, с которого переводишь, абсолютно необходимо, но намного важнее знание родного языка. Переводчиком не может быть любой филолог, хорошо знающий язык, с которого он собирается переводить. Необходимо как можно более полно овладеть богатством родного языка, того языка, на который переводишь. Ведь существуют словари, позволяющие понять или включить в свой лексикон редко используемые слова либо неологизмы. Возьмем языки отдельных групп: например, при переводе

Солженицына я должен был знать аргю заключенных, слышать «блатную музыку». Или возьмем аргю офеней — это тайный язык, один из тех тайных языков, на которых когда-то говорили между собой бродячие торговцы — продавцы изображений Святого Семейства или самых известных святых, ходившие по деревням, объясняясь друг с другом понятным только им кодом. Я пользовался этим знанием при переводе тайного языка так называемых урок, долгое время составлявших в советских лагерях правящий слой, с помощью которого охрана оказывала давление на огромное большинство заключенных. Они говорили между собой на языке, понятном лишь им самим. По-польски не получалось передать язык урок, так как аргю польских главарей преступного мира в Великопольше было насыщено выражениями из немецкого языка, а в остальных местах, в Конгрессовке^[9] и даже в Галиции — из языка идиш. Поэтому перевод языка русских урок путем вкрапления в текст Солженицына выражений из языка урок польских вызвал бы у читателя приступы смеха или изумления.

— Вы говорите о возможных трудностях при переводе метрического стиха. Однако вы переводили, главным образом, прозу и драматургию.

— Для меня важнее перевод нескольких стихотворений Мандельштама, из которых вы, возможно, знаете одно, потому что его пела Эва Демарчик. То, что преобладает количественно, не обязательно самое главное.

Конечно, при переводе поэзии понимание ритма или других особенностей метрики должно быть подчинено чему-то гораздо более важному, пониманию цели, стоявшей перед автором, когда он использовал то, а не иное слово, или, тем более, придавал ему какое-то особое звучание, либо подчеркивал звуковую сторону.

Это всё средства. Конечно, основная цель — произвести впечатление не только на ухо, но, прежде всего, на интеллект читателя или слушателя. Понятно, что речь идет о поэзии, хотя это имеет значение и для прозы. Проза отличается от языка, на котором мы говорим. Отличается искусственностью, намеренной искусственностью, без которой она не была бы художественным средством, то есть более выразительным средством передачи мысли. Поэзия еще сильнее увеличивает эту дозу искусственности. Отличие от разговорного языка здесь должно быть еще более разительным. Поэтому Пушкин, прочитав перевод «Илиады», сделанный известным

литератором Николаем Гнедичем, написал короткую эпиграмму, две последние строчки которой: «...что, если это проза, / Да и дурная?...»^[10].

То же относится к так называемым белым стихам, доминирующим сейчас в польской поэзии. Они считаются чем-то не только модным, но и намного более правильным. Такого рода перевод, который не отличает разговорного языка от языка прозы или, тем более, языка поэзии, является переводом бесполезным, ошибочным, очень фальшивым. Он должен отличаться от разговорного языка, и отсюда весь арсенал, которым обладает русская поэзия, а именно — рифмы, ритмы, каденция фразы — всё это не какие-то украшения, а инструменты, указывающие на предмет стихотворения, то есть на его принципиальную основу, требующие от читателя или слушателя рассматривать ее как что-то важное, выразительное.

— *Считаете ли вы, что существует нечто такое, как дух или душа народа, которая проявляется в его языке, и в которой некоторые гении участвуют особым образом, давая ей выражение?*

— Приведу пример, что такое душа народа. Михаил Бакунин, создатель современного анархизма, десять лет жил в Германии и написал потом, что немцы — это народ, душа которого более всего способствует возникновению анархии и анархистов. Это народ, лишенный государственного инстинкта и не выносящий дисциплины и порядка. Он написал так после десяти лет жизни в Германии и в немецкой Швейцарии, в кантоне Шаффхаузен. Кроме польского, я хорошо знаю два других народа, а именно итальянский и русский, и заверяю, что то, что называют душой народа, то, что мы о нем знаем, что он сам о себе знает, это душа или, может быть, национальный характер, можно сказать, не самого народа, а его власти. Его власти, которая, к счастью, меняется и которая в Новгороде была совсем другой, нежели в соседней Москве. Там жили те же русские, но Великий Новгород был демократической республикой по образцу итальянских городов-республик, таких как Флоренция, Сиена или Венеция, которые являлись не только городами, но и мощными государствами. Великий Новгород был огромным государством, граничившим с Литвой, по сравнению с которым Великое княжество Московское было непропорционально мало. Великий Новгород существовал 800 лет, а Великое княжество Московское, ставшее русским царством, существует лишь с 20-х годов XVII века, то есть вдвое меньше, чем Новгород. Мариуш Вильк, который провел много лет на Севере, там, где не было

татар, и где живут русские, немного иные, чем в Московии — ведь там живут староверы, исповедующие православие, принятое до патриарха Никона... Там живут люди, говорящие на диалекте со множеством финно-угорских слов, так как этот край населяли финно-угорские племена, от которых сохранились лишь остатки, такие как мордва, мари́йцы, карелы, которым ближе до Финляндии, чем до России. Так вот, Мариуш Вильк, который жил там много лет, написал довольно интересные воспоминания, в частности, о Соловецких островах и о самой северной России — Карелии; он описывает этих людей так, что они совершенно не напоминают героев, скажем, Тургенева или Чехова. Уверяю вас, попытка вникнуть в душу народа ошибочна с исторической точки зрения.

— Это лишь определенная осторожность в употреблении языка. Ведь написал же Мариан Здзеховский когда-то исследование «Русское влияние на польскую душу». Можно ли сказать, что вы как редактор стараетесь оказать влияние на русскую душу, а как переводчик — на польскую.

— Не душа и не польская душа. Польская душа, если оценивать ее согласно самым богатым по описаниям и языку памятникам польской старины, это душа, изображенная Хенриком Жевуским в «Воспоминаниях Соплицы» — отвратительная, переполненная сарматизмом^[11] и наихудшим склочничеством душа. То, что он пишет о дворе князя Радзивилла, оскорбляет меня как поляка намного сильнее, чем все обвинения, какие в адрес Польши может выдвинуть госпожа Эрика Штайнбах^[12] и ее коллеги. Прекрасная книга Енджея Китовича «Описание обычаев при правлении Августа III» намного более поучительна и объективна, чем книга Жевуского, может быть потому, что Китович не был хорошим писателем, он был хронистом. Старательно описывал, что поляки едят, как выглядит пир, какие блюда готовят на Пасху, а какие подают во время Великого поста и так далее. Он описывал обычаи польских дуэлянтов и кодекс чести, принятый у шляхты. Мы очень мало знали бы об обычаях простого народа, если бы не труд таких поляков-собирателей, как, например, Оскар Кольберг, которых я считаю необыкновенно важной частью польского общества. Благодаря их работе были описаны народные обычаи польского крестьянства, возможно, и не ощущавшего ничего общего ни с правящим классом, потому что тогда правили оккупанты, ни с польским шляхтичем. Польский крестьянин не только не чувствовал родства с аристократом или шляхтичем, но чаще всего испытывал к ним враждебность. И не надо даже вспоминать восстание, а скорее, бунт, мятеж Якуба Шели^[13], достаточно почитать Жеромского, ту страшную сцену из

«Верной реки». Также была большая разница в чувствах и обычаях между униженным, трудящимся, презируемым крестьянством и достаточно большим в Польше, самым многочисленным в процентном отношении слоем шляхты. Францией до самой революции, до якобинцев, правило 1,5–2%, тогда как в Польше, вместе с Литвой, шляхта составляла 10%, а в самом Королевстве Польском 12%. Шляхта была необыкновенно многочисленным классом, в процентном отношении ее было больше, чем в какой-либо другой стране Европы, и это прекрасно. Поэтому, несмотря на то, что, в общем-то, крестьяне своих господ ненавидели, шляхта стала зародышем лучшей польской элиты, каковой является интеллигенция.

— Тогда я сформулирую это иначе, не употребляя слов «дух» или «душа». Согласитесь ли вы, что если средством, применяемым «Новой Польшей», является перевод отдельных текстов, то цель ее состоит в переводе высшего уровня, переводе польской культуры на русскую?

— Да, конечно, культура — это сейчас наш самый главный экспортный товар. Русские, скорее, пытаются быть буржуазным народом и всё считают и оценивают в зависимости от суммы, которая получается из этих подсчетов. Они считаются только с теми, на ком могут заработать, или кто кажется им сильным, а потому опасным. Всё это я говорю не о русских вообще, а о правящих кругах, о российской власти. Что на самом деле думают русские, и что там происходит, это вопрос, на который, возможно, ответит далекое будущее, и это объясняется не какой-то душой или национальным характером.

— Имеет ли переводчик право исправить переводимый текст?

— Что значит, исправить? Если его приходится исправлять, то его не стоит переводить.

— Однако по опыту мы знаем, что творение переводчика порой может превзойти оригинал.

— Я не знаю такого случая. Лъстецы, влюбившиеся в Бабеля так же, как я, убеждали меня, что мои переводы его одесских рассказов лучше оригинала. Это свидетельствует только о том, что они не знают русского языка и не понимают, каким писателем был Бабель. Это был крупнейший прозаик XX века, если речь идет о коротких рассказах. Не только в русской литературе. Хемингуэй сказал: «Мне всегда казалось, что я способен писать кратко и могу в нескольких словах сказать то,

на что у других уходят целые тома». Тогда как Бабель сумел выдать больше сыворок из творога в нескольких рассказах, чем мне удалось за всю жизнь^[14]. Если уж я занимался переводом, — а это вовсе не было самой важной сферой моей, скажем так, литературной деятельности, — то всегда переводил исключительно тех писателей, в которых был влюблен. Таких как Бабель, как поэты Ахматова, Мандельштам или Мартынов^[15]. Я просто чувствовал что-то вроде смеси восхищения с желанием подружиться с этим человеком, дотянуться до него, встретиться с ним, что часто, особенно, если речь шла об умерших, было невозможно. Вот именно таких я и хотел переводить. Некоторые считают, что поэзия в принципе непереводаема, — это неправда. Нужно стараться дотянуться до оригинала, стремясь к цели, указанной Чуковским, хотя бы приблизиться к нему. Иногда это удается. Без ложной скромности могу сказать, что мне это иногда удавалось.

— Но что такое оригинал или первоисточник, к которому нужно приблизиться? Вальтер Беньямин, например, утверждает, что оригинал — это не сам текст, который переводят, оригинал где-то глубже, вне буквы, под поверхность, и именно с этим, более глубоким оригиналом нам нужно соотносить себя, а не с самим текстом. Следует вслушаться в некий исходный, истинный язык, заключенный в национальных языках.

— Да, но это результат увлечения Беньямина и всего его поколения призывом „Zurück zu Kant“^[16]. Призыву отвергнуть все идеи XIX века и вернуться к Канту как к источнику, а Кант ведь был приверженцем существования универсалий. Так же и Беньямин утверждает здесь, что существует некая универсалия, которую поэт, когда пишет стихотворение, хочет выразить неким определенным образом, как-то конкретизировать. Но именно этого я не понимаю.

— Что-то же автор выражает, не только себя...

— Конечно! В каждом стихотворении, это как раз ясно, но в этом состоит не столько его тайна, сколько характерная черта, особенность, то, что отличает поэзию от прозы.

— И переводчик должен до этого добраться?

— Это вовсе не скрыто от нас, это некая заметная особенность каждого стихотворения. Додумывать, что за ней кроется, — значит не только обрекать себя на домыслы, но стать заложником своей эпохи. Мы пытаемся понять стихи при

помощи тех понятиях, универсалий, идей, которые в данную эпоху кажутся нам актуальными, важными и так далее. Есть переводчики, которые невольно, совершенно бессознательно, пытаются в переводе ответить на какие-то вопросы, созревшие у них под влиянием чтения вчерашней газеты, либо политических симпатий к партии, с которой они ведут борьбу много лет.

— Похоже, что всё равно, хочется нам этого или нет, мы будем заложниками той эпохи, в которой живем...

— Конечно, в этом нужно признаться и не притворяться, будто творишь что-то вечное.

— Густав Герлинг-Грудзинский в «Ночном дневнике» писал об одном переводческом парадоксе, что даже такой переводчик, как вы, не справился с прозой Варлама Шаламова, а вот инженеру Юлиушу Бачинскому это удалось — как это, вообще, возможно?

— Шаламова переводили разные люди, я тоже перевел несколько его рассказов. С Густавом Герлингом мы знакомы еще с довоенных времен. Я очень высоко ценю его творчество. Думаю, что это писатель, который слишком долго сидит в чистилище, о нем слишком мало говорят, его слишком мало читают, а все потому, что он один из двух-трех польских писателей, которые понимали Джозефа Конрада и попытались сделать в польской литературе то, что тот сделал в английской. Лишь он да Ян Юзеф Щепаньский поняли это послание. Но то, что он написал о Шаламове, я считаю несправедливым. Те два или три перевода, которые мне поручил сделать Гедройц, полагаю, они, в конце концов, получили бы признание Густава. Он хотел подчеркнуть, что этот писатель так малоизвестен и так труден для перевода. Это верно, Шаламов — действительно феномен. Честно говоря, мне кажется, что он намного лучший стилист, чем Солженицын, хотя к Солженицыну я отношусь не только с почтением, но даже с какой-то нежностью. Просто, из-за верности Солженицыну я не хотел переводить Шаламова. Кроме того, как и с Бабелем, я считал неприличным присваивать его.

— Вы имеете в виду «Избранные произведения» Бабеля 1961 года издания?

— Да, это был сборник рассказов, содержащий найденные рассказы. Это случилось после реабилитации Бабеля. Уже можно было упоминать его имя. Я написал о нем статью «Еврей из Одессы». Тогда издательство «Читательник» заказало мне книгу переводов. Часть этих переводов я уже успел опубликовать

в различных журналах, но я пригласил своих друзей и каждому из них дал по одному, иногда по два рассказа Бабеля, таким образом в этом томе не только мои переводы, но и работы таких известных переводчиков, как Мариан Топоровский, Земовит Федецкий, Северин Поллак, Виктор Ворошильский. Зато остальные книги его рассказов и других произведений мне пришлось переводить самому.

— Вернемся, однако, к Шаламову.

— Точно так же я считал, что переводы Шаламова, если бы я сделал их старательнее и с большим рвением, если бы нашел для этого время, привели бы к некоторому снижению ранга Солженицына, а мне хотелось, может быть, подсознательно, чтобы другие уважали его так же, как я. Я не хотел создавать здесь конкуренции, думал — пусть этим займутся другие. Но я не считаю его таким уж трудным для перевода писателем, как думал Густав.

Нужно знать некоторые рассказы Солженицына, малоизвестные в Польше. У него есть небольшие рассказы «Крохотки», которые, независимо друг от друга, не зная об этом, перевели Виктор Ворошильский и я. Они не хуже рассказов Шаламова, но только эти и два-три ранних произведения, таких как «Матренин двор», как «Случай на станции Кречетовка».

Это авторы, которых можно поставить рядом. И слава Богу, что они выжили в лагере. Ведь Шаламов там едва выдержал физически, тогда как Солженицын значительную часть срока отбыл в шарашке, где жизнь была легче, чем в самом лагере. Он был математиком, поэтому его отправили в лагерь для ученых, в шарашку, к тому же расположенную в подмосковном Марфино, где проще было с посылками и с вестями из того, другого мира...

Алиция Розе — поэтесса, эссеист, переводчица. Сотрудник «Либеральной культуры». Публиковалась также в журнале «Зешиты литерацке», в «Газете wyborчей», на портале Dwutygodnik.com. Ее иллюстрации можно найти на сайте <http://alicjarose.com/>.

Анджей Серафин — редактор ежеквартальника «Кронос», переводчик Таубеса и Платона. Работает над реконструкцией

несохранившейся книги Хайдеггера «*Phänomenologische Interpretationen zu Aristoteles*».

1. В 1968 г., после запрета театральной постановки «Дзядов» А. Мицкевича, в Польше произошли студенческие волнения, на которые власти ПНР отреагировали масштабной антисемитской кампанией.
2. Цитата из песни Александра Галича «Мы не хуже Горация». Аллюзия на перепечатывание текстов в самиздате — *Примеч. авт.*
3. A prima vista (итал. — буквально «с первого взгляда») — музыкальный термин, означающий «с листа» — *Примеч. пер.*
4. POV — Польская военная организация — подпольная военизированная организация, созданная во время Первой мировой войны для освобождения польских территорий из-под российского владычества — *Примеч. пер.*
5. Битва под Каневом — сражение 2-го корпуса Войска Польского с немецкими войсками в мае 1918 г. — *Примеч. пер.*
6. Желиговцы — участники т.н. бунта Желиговского — военной операции в октябре 1920 г., когда часть территории Литвы, включая Вильно, была фактически присоединена к Польше — *Примеч. пер.*
7. Ян Новак-Езёранский (1914–2005) — польский политик, общественный деятель, многолетний директор польской программы радио «Свободная Европа» — *Примеч. пер.*
8. Тереза Тораньская (1944–2013) — польская журналистка и писательница — *Примеч. пер.*
9. Конгрессовая Польша или «Конгрессовка» — территория Польши, находившаяся в составе Российской империи с 1815 по 1917 годы — *Примеч. пер.*
10. Последние строки пародии А.С. Пушкина на стихотворение В.А. Жуковского «Тленность», написанное белым стихом — *Примеч. пер.*
11. Сарматизм — шляхетская идеология, доминировавшая в Речи Посполитой в XVI–XIX веках, согласно которой шляхта произошла от древних сарматов, что выделяет ее из массы простолюдинов (славян и литовцев) — *Примеч. пер.*
12. Эрика Штайнбах — немецкий политик, депутат бундестага,

глава «Союза изгнанных» — Примеч. пер.

13. Якуб Шеля (1787–1860) — предводитель крестьянского восстания против польских землевладельцев в окрестностях города Тарнов — Примеч. пер.
14. Ср.: «Я помню, как в мадридской гостинице Хемингуэй, который впервые тогда прочитал Бабеля, сказал: «Меня ругали, что я слишком кратко пишу. А я нашел рассказ Бабеля еще более сжатый. Значит, можно еще крепче сжать творог, чтобы ушла вся вода» (из речи И. Эренбурга, посвященной семидесятилетию И. Бабеля, 1964) — Примеч. пер.
15. Леонид Мартынов (1905–1980) — поэт, автор патриотических, философских стихов, связанных с судьбами жителей Сибири. Автор репортажей, очерков. Переводчик польской поэзии — Примеч. авт.
16. Назад к Канту (нем.) — Примеч. пер.

Партии «Право и Справедливость» скажем — стоп!

С Лешеком Бальцеровичем беседует Александра Павлицкая

Мы ведем слишком много интеллектуальных разговоров в кафе и слишком мало делаем. Каждый должен задуматься, как мобилизовать свое окружение, чтобы защитить свободу — говорит автор польских реформ Лешек Бальцерович.

— *Вы призываете поляков показать популистам и демагогам жест Козакевича^[1].*

— Перед нами настоящий тест на то, сколько в польском обществе гражданского общества. Новая власть предлагает, если говорить о направлении преобразования государства, отойти от строя, о котором мечтало большинство поляков во времена ПНР. Мы радостно восприняли прощание с социализмом, потому что оно означало конец власти, сосредоточенной в одних руках, опиравшейся на аппарат преследования и спецслужбы, а также конец тотально политизированной и из-за этого отсталой экономики. С 1989 года мы строили и, в значительной мере, построили государство западного типа. Нам еще многое предстоит сделать, чтобы достичь лучших западных стандартов, а тут ПИС^[2] с Кукизом^[3] хотят повернуть нас вспять.

— *Вы как-то сказали, что ПИС это тромб ПНР.*

— Если вспомнить, что представляла собой ПНР, мы увидим, что изменения, предлагаемые ПИС, возвращают нас назад. Парализация Конституционного трибунала или помилование Мариуша Каминского^[4] президентом Анджеем Дудой — это явные сигналы, что политики правящей партии ставят себя превыше закона, стремятся заменить собой суд. Если добавить к этому сосредоточение всей власти над спецслужбами, то обнаруживается модель неправового государства. То есть такого, в котором власть может сделать со своими

оппонентами все, прибегая порой к фальшивым уголовным обвинениям.

— Она делает то, что не удалось в 2005–2007 годах. На этот раз в молниеносном темпе.

— Разумные люди помнят, что тогда помешало Ярославу Качинскому. Он назвал это «правовым импоссибилизмом». Было ясно, что ему не по пути с западной моделью государства. Мне хотелось бы напомнить, что контроль законодательства со стороны специального судебного органа, проверяющего законы на соответствие конституции, является великим изобретением современной цивилизации, рожденным в США.

— «Антидемократы всегда клянутся, что защищают демократию» — это ваши слова.

— На сегодняшний день у нас больше сигналов, что новая власть хочет ограничить фундаментально важную вещь: верховенство права, а это может привести к ограничению конкуренции в политике, выражающейся в свободных выборах, то есть демократии. И присвоить государство. А раз государство «наше», то в нашем государстве нет места независимым институтам. Нужно их захватить, то есть заполнить своими людьми, а если это невозможно, парализовать. С чем мы сейчас и имеем дело в случае Конституционного трибунала. Таким образом, независимость институтов остается лишь на бумаге, и это еще одно сходство с ПНР, где стандартом была лишь видимость институтов. Я говорю об угрозе, которая просматривается в высказываниях и действиях ПИС, а не о завершенном процессе.

— Виктор Орбан в Венгрии доказал, что такие реликты могут себя неплохо чувствовать.

— Реджеп Эрдоган в Турции тоже. Турецкая демократия была несовершенной, но все же это была демократия, пока Эрдоган ее не уничтожил. Каким образом? Он мобилизовал наиболее консервативную, наиболее отсталую часть общества. Вдобавок он устроил сфальсифицированные процессы против руководителей армии и завладел аппаратом насилия. Сегодня он почти султан, который схватился с царем России — Путиным.

— Как Ярослав Качинский у нас.

— С поправкой «почти», ведь в Турции консервативная часть общества значительно больше. В Польше ПИС имеет группу верных сторонников, которые объединены общей верой и являются духовными рабами своего гуру, но многие избиратели голосовали за эту партию, не потому что поддерживают программу Ярослава Качинского. Скорее, они поддались на громкие слова или выразили недовольство правлением «Гражданской платформы». «Платформа» своими

действиями и лозунгами, противоречившими первоначальным декларациям, оттолкнула от себя наиболее идейных избирателей. Это была огромная ошибка.

— *Тем временем Качинский спрятался за спинами президента Анджея Дуды и премьер-министра Беаты Шидло.*

— Я не принадлежал к числу тех, кто считает, что если Качинский теперь не на виду, и появились новые, более молодые лица, то прежние лозунги и высказывания председателя партии «Право и справедливость» перестали быть актуальными. Я, скорее, считаю, что заменившие его фигуры — это марионетки. Интересно, как теперь чувствует себя группа наивных избирателей, позволивших обмануть себя новой упаковкой? Как чувствуют себя люди, которые — не будучи сторонниками ПИС — не пошли голосовать?

— *Многие перед выборами предупреждали, что может означать приход к власти партии «Право и справедливость».*

— В отчете Форума гражданского развития^[5], опубликованном за два месяца до выборов, мы представили три различных сценария экономического развития Польши. На сегодня программа ПИС близка к худшему из них. Ведь она означает отсутствие реформ, улучшающих государственную финансовую систему и расширяющих экономическую свободу в рамках лучшего законодательства, плюс антиреформы, например, уменьшение пенсионного возраста, и дальнейшую политизацию экономики. Реализация программы партии «Право и справедливость» приведет к сильному замедлению экономики и увеличению риска кризиса. Это, в свою очередь, означает, что сохранятся мощные стимулы для выезда поляков из страны.

— *Иными словами, выбор поляков противоречит их собственным интересам?*

— Пропагандой ненависти, ложью и пустыми обещаниями можно увлечь и в условиях демократии. В Польше не произошло какого-то резкого разворота общественного мнения. Поляки не стали вдруг более консервативными, более ретроградными и более наивными. Результаты выборов определила мощь пропаганды «Права и справедливости» при слабостях «Гражданской платформы». Например, нападки на Открытые пенсионные фонды и другие инициативы ПИС, политика «теплой воды»^[6], проигрыш Брониславом Коморовским президентских выборов по собственному желанию — все это были подарки для «Права и справедливости».

— *А председатель Качинский не замедлил ими воспользоваться.*

— Он мобилизовал людей вокруг лживого лозунга «Польша в

руинах» и вокруг обещаний, реализация которых дорого обойдется Польше. А также с помощью псевдонаучной риторики, например, «национальных чемпионов»^[7], представляющей собой устаревшую теорию родом из Латинской Америки или Западной Европы 50-летней давности. Эти и другие предложения ПИС популяризировал Ян Кшиштоф Белецкий, идеолог этатизма у Туска. А ведь казенные предприятия — это анклав социализма, в которых речь идет только о том, чтобы назначить своих людей в правление, которое потом будет выполнять политические указания. Хотя бы такие, как приобретение энергетическими концернами нерентабельных шахт. ПИС использует это еще агрессивнее. Из-за отсутствия широкой приватизации при правительстве ГП-ПСЛ^[8], нынешняя власть получила инструменты, позволяющие вести политику не в интересах государства, а в интересах партии. В Польше самая большая доля государственной собственности во всем ОЭСР^[9].

— В случае с Конституционным трибуналом действия «Гражданской платформы» облегчили «Праву и справедливости» манипулирование законом.

— Конечно, ведь если бы предыдущее правительство не позарилось на дополнительные судейские места, у Качинского не было бы столь прекрасного предложения. То, что мы сегодня наблюдаем, это ускорение разрушения. Конституцию топтали и другие партии, принимая удобные для себя решения без оглядки на закон.

— Только тяжесть грехов иная.

— Да. ПИС использует меньший грех, чтобы обосновать больший. Такая логика ведет к созданию партийного государства, служит не исправлению его, а ослаблению.

— Патриотизм, согласно одному из ваших определений, — это противостояние популистам.

— Людей, чьи действия вредят их стране, часто отличает злоупотребление патриотической риторикой. Сегодня я постоянно слышу: «экономический патриотизм». Что, собственно, это означает? То, что мы хотим сделать лучше? Мы всегда стараемся сделать лучше — основной вопрос: как? Когда речь идет о высоких целях, люди обычно соглашались друг с другом. Серьезные люди разговаривают о том, как этих целей достичь — в этом видна их компетентность либо ее отсутствие, их ответственность либо безответственность. Я не увидел в программе ПИС проявления такого профессионализма и ответственности за страну, зато вижу множество националистических лозунгов.

— Много слов о народе, действий от его имени и в его интересах.

— Эмиссия патриотической фразеологии напоминает мне лавину социалистических лозунгов времен ПНР. Ложному патриотизму, т.н. порче государства и экономики под прикрытием патриотической риторики нужно противостоять.

— *Каким образом?*

— У нас в Польше по-прежнему широкий диапазон гражданских прав. Мы не Беларусь...

— *Пока...*

— И не путинская Россия. В Польше сопротивление плохой власти не связано с риском репрессий. Поэтому то, как мы поведем себя сегодня, будет ответом на вопрос, не ограничивается ли наше свободолюбие неудачными (по большей части) восстаниями. «Солидарность» под предводительством Леха Валенсы показала, что это не так. Перед нами очередной экзамен по гражданской ответственности.

— *Пока у нас есть мемы в интернете и виртуальные инициативы, такие как «Комитет в защиту демократии»^[10].*

— Интернет очень важен. Важно разоблачать бредни, инсинуации и ложь. Смех — это эффективное оружие. Конечно, важны и профессиональные разработки, которыми в Польше занимаются многие неправительственные организации, в том числе Форум гражданского развития.

— *Достаточно ли этого, чтобы дать отпор власти, портящей государство?*

— Мы ведем слишком много интеллектуальных разговоров в кафе и слишком мало делаем. Каждый должен задуматься, как мобилизовать свое окружение. Массовые акции через интернет и другие действия с использованием гражданских свобод — вот наши инструменты. У нас по-прежнему есть свобода слова, свобода собраний, свобода организации. Это нужно использовать.

— *Выйти на улицы? Устроить польский Майдан?*

— Вспомним, как часто на улицы выходили сторонники ПИС и их союзники, например, нынешняя «Солидарность». Думаю, в Польше много активных людей, которые не позволили и не позволят новой власти одурачить или запугать себя. Рано или поздно они скажут: стоп! Блицкриг, который ПИС провернул в течение 10 дней, не означает, что в таком же темпе удастся организовать эффективное противодействие. Но это уже начинается. Уже что-то пробуждается в гражданском обществе.

— *А если все же не получится?*

— Я не буду присоединяться к нытью тех, кто заранее говорит, что ничего не выйдет. Пропаганда пораженчества не в моем стиле. Наступило время мобилизации, и нужно мобилизовать людей.

— Скажите это главной оппозиционной партии, которая, вместо того, чтобы боксировать с Качинским, покидает зал заседаний Сейма во время важных дебатов.

— Оппозиционные политики сами не решат проблему, существующую в Польше. Здесь нужно давление гражданской части общества.

— Которой необходим лидер. Рышард Петру^[11]?

— Я хорошо его знаю, он был моим студентом, а в 1997–2000 годах — сотрудником. Он прекрасный специалист в области экономики и государственного управления. Лидеры нужны, чтобы озвучивать проблемы, потому что неназванные проблемы в сознании людей не существуют. Вред, наносимый государству и экономике руками «Права и справедливости», может остановить только гражданское сопротивление. Эта власть вводит перемены столь грубым образом, что стимулов для мобилизации предостаточно.

— Куда будет направлен следующий удар?

— ПИС уже оказывает давление на СМИ. Из уст вице-премьера Глинского прозвучали угрозы в адрес журналистов — такого в истории прессы свободной Польши, кажется, еще не было.

Кстати, когда я возглавлял «Унию свободы»^[12], проф. Глинский был нашим экспертом по вопросам экологии, и я считал его вполне адекватным человеком.

Будут предприняты также попытки повлиять на культуру, придать ей национальный характер. То есть какой?

Захолустный? Высокая культура вступает в диалог не только с представителями собственного народа — тем более, если это всего лишь часть народа, преданная идеалам ПИС.

Кроме того, под удар попала сфера образования, где намечается просто беспредел. А как еще назвать ситуацию, когда группа — пусть даже это будет миллион человек — навязывает свои взгляды многим миллионам учащихся, учителей и родителей? Правительство ликвидировало гимназии, но до сих пор не представило никакого обоснования для такого решения.

— А обороноспособность?

— Назначение Антония Мацеревича^[13] на должность главы Министерства национальной обороны — это игра с безопасностью Польши. Не знаю его лично, но неоднократно слушал его выступления в Сейме и по телевидению. Мне не кажется, что это здравомыслящий человек. Правительство ПИС, ухудшая имидж Польши среди наших союзников, отдаляет перспективу получения баз НАТО, что необходимо для нашей безопасности. Я также сомневаюсь, что мы будем в состоянии защищать интересы Украины в Европейском союзе.

— Экономика?

— Партия «Право и справедливость» пришла к власти (так же, как в 2005 году), когда в краткосрочной перспективе экономическая ситуация не внушает опасений. Если не произойдет серьезных потрясений на мировом рынке, то кризис нам в ближайшее время не грозит. Он может настичь нас позже. Неизбежно сильное замедление роста нашей экономики в долгосрочной перспективе.

— Так же, как с самоуправлением?

— Я бы, скорее, сказал: с демократической властью на местах. Ее появление — большое достижение Третьей Речи Посполитой. Напомню, в ПНР были народные советы. Именно — народные. С народной риторикой в ПНР все было в порядке: Фронт народного единства, Патриотическое движение народного возрождения... Однако, возвращаясь к теме нашего разговора, ПИС начала наступление на стольких фронтах, что нужно быть слепым, чтобы этого не заметить. Так что, нам есть, чему противостоять. У нас, ощущающих себя гражданами, а не сторонниками одной псевдонациональной доктрины, есть достаточно причин перестать жаловаться и начать действовать, защищая свободу и правовое государство.

— Это звучит, как призыв к войне.

— Нет, к гражданской защите верховенства права и свободы. Лучшая защита — это нападение. Перед нами большое испытание, которое покажет, насколько в польском обществе сильно гражданское общество.

Newsweek

-
1. «Жестом Козакевича» называют в Польше оскорбительный жест, показанный польским легкоатлетом В. Козакевичем советским зрителям, освистывавшим его на Олимпиаде в Москве в 1980 году.
 2. ПИС («Право и справедливость») — ныне правящая польская политическая партия.
 3. Павел Кукиз (р. 1963) — польский музыкант и актер, политик, кандидат в президенты Польши на выборах 2015 года.
 4. Мариуш Каминский (р. 1965) — польский политик, осужденный за участие в аферах, помилованный 16 ноября 2015 г. президентом Анджеем Дудой и в тот же день получивший министерский пост в правительстве.
 5. Форум гражданского развития (ФГР) — польская неправительственная организация со статусом фонда,

созданная в 2007 г. по инициативе Лешека Бальцеровича.

6. «Стратегия теплой воды в кране» — удовлетворение насущных потребностей избирателей вместо проведения непопулярных крупномасштабных реформ.
7. Идея «национальных чемпионов» — политическая концепция, согласно которой большие корпорации в стратегических секторах экономики должны не только стремиться к получению прибыли, но и отстаивать интересы нации.
8. Крестьянская партия ПСЛ — политическая партия в Польше, находившаяся в коалиции с «Гражданской платформой».
9. ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) — международная экономическая организация развитых стран, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики.
10. «Комитет в защиту демократии» (КЗД) — созданное в интернете общественное движение против нарушения законов правительством «Права и справедливости».
11. Рышард Петру (р. 1972) — польский экономист и политик, глава либеральной партии «Современная».
12. «Уния Свободы» — польская политическая партия, созданная в 1994 году в результате объединения Демократической унии и Либерально-демократического конгресса.
13. Антоний Мацеревич (р. 1948) — польский политик, известный своими скандальными заявлениями.

Матеуш Моравецкий — банкир с польской душой

Фото: East News

Матеуш Моравецкий вошел в состав правительства как президент третьего по величине банка в Польше. До этого он на протяжении восьми лет возглавлял BZ WBK (Западный банк — Великопольский кредитный банк), с которым был связан с 1998 года. Тех, кто хорошо знает Матеуша Моравецкого, его участие в работе правительства не удивляет. Давно уже поговаривали, что кресло президента банка — это не предел его мечтаний, что у Моравецкого есть политические амбиции.

Круг его интересов всегда был весьма широк. Когда премьером был Дональд Туск, Моравецкий стал членом Экономического совета при премьере (в отставку подал в 2012 г.). Говорят, что тогда ему предложили войти в состав правительства, но он отказался. Согласился после последних выборов.

Не спешить с переходом на евро

— Польша — вот что самое главное. Я принял предложение занять пост вице-премьера и министра развития, потому что верю, что это нужно стране. Я знаю, что мой опыт может пригодиться для осуществления столь важной цели, как

развитие Польши, — это слова Моравецкого из официального заявления о том, что он оставляет пост президента банка в связи с переходом на работу в правительство.

Матеуша Моравецкий сыплет данными макро как из рукава, может конкретно ответить на самые каверзные вопросы. Недоброжелатели говорят, что эта его способность весьма пригодится в политике, где надо жонглировать статистическими данными, чтобы приукрасить действительность.

Он очень трудолюбив и решителен. После того, как он занял пост главы BZ WBK, Моравецкий быстро оказался среди наиболее заметных и чаще всего цитируемых президентов польских банков. А надо признать, что его взгляды часто отличались от банковского мейнстрима.

Свое скептическое отношение к проекту быстрого присоединения к зоне евро он выражал давно, еще в то время, когда вхождение Польши в валютную сферу Евросоюза считалось бесспорной догмой, особенно в банковской среде. Впрочем, со мнением большинства он не соглашался не только по этому вопросу.

Матеуш Моравецкий поддержал рекомендацию об ужесточении правил проверки кредитных возможностей, несмотря на то, что многие его коллеги из банковской сферы выступали против подобных мер, опасаясь снижения уровня продажи займов. Он напомнил тогда, что слишком большая задолженность как раз и привела к кризису, а банк должен быть ответственной организацией. «За этим стоят человеческие трагедии в виде банкротств, выселений или социальной изоляции. Именно таким явлениям должна противодействовать данная рекомендация», — говорил он. Можно сказать, что на его совести нет франковых кредитов, так как его банк не предоставлял их обычным клиентам (хотя в результате слияния с «Кредит-банк» у BZ WBK есть такой портфель). Моравецкий даже призывал наложить запрет на предоставление валютных кредитов.

Несколько лет назад он взбудоражил рынок своими высказываниями о нарастающей волне цунами, которая может захлестнуть польские банки. Он призывал тогда положить конец войне за клиента, ведущейся при помощи увеличения процентов на депозиты, иначе, предупреждал он, пострадают все.

Крепкие налоги формируют патриотизм

Год тому назад Матеуш Моравецкий дал интервью газете «Жечпосполита», в котором представил обзор экономики в целом. На вопрос о зоне евро он ответил, что проблема не в том, вводить ли евро, а в том, чтобы изменить архитектуру роста

ВВП — на такой, который будет основываться на инвестициях, а не на снижении уровня потребления.

Моравецкий пояснил, что он вовсе не противник вхождения в валютный союз, но на сегодня это не является целью номер один. «Впрочем, главные выгоды от принятия евро, о которых говорили еще десять лет назад — стабильные курсы, более низкая стоимость сделок и более низкая цена капитала, — оказались частично иллюзорны, а там, где это вначале действительно сработало, потом оказалось началом проблем, как, например, в странах южной Европы», — заметил он. Моравецкий перечислял целый список проблем, среди которых на первом месте стоят задачи формирования мощного экспорта, конкурентоспособной экономики и накопление сбережений для повышения уровня инвестиций. Он подчеркнул также, что самой большой проблемой польской экономики является слишком высокий уровень потребительских appetites по сравнению с нашими возможностями в сфере сбережений. «После краха коммунизма это было вполне понятно, но сегодня, когда пришло осознание этой проблемы и ее масштаба, очень важно, чтобы постепенно, год за годом, этот процесс разворачивать в противоположную сторону, и во всё большей степени становиться кредитором, который диверсифицирует свои активы и экспортирует капитал, чтобы повышать уровень возмещения, генерируемые же внутри страны сбережения создают при этом возможность инвестирования», — подчеркнул Моравецкий.

Он напомнил, о необходимости создания механизмов в системе сбережений, как в сфере банков, так и в сфере налогов. «Что касается пенсионных накоплений, то я ратую за развитие так называемой третьей опоры, ведь эта система хорошо функционирует во многих странах», — сказал Моравецкий. Теперь, когда он является вице-премьером и главным министром в сфере экономики, он может эти постулаты проводить в жизнь.

Инновационность — вот его конек. Моравецкий подчеркивает, что экономику в Польше следует строить, опираясь именно на инновации. Будучи президентом банка, он делал ставку на поощрение экспортных возможностей польских предприятий — в том числе и небольших, боящихся зарубежных, особенно экзотических рынков. Помочь им выйти на зарубежные рынки призваны были такие проекты, как Программа развития экспорта или Академия предпринимателя.

Моравецкий поощряет экономический патриотизм. «Я верю, и верю глубоко, что, поддерживая культуру и национальное наследие, мы формируем идентичность, а тем самым приверженность к продвижению наших брендов, продуктов,

услуг», — отмечает Моравецкий. Он любит говорить об успехах польских фирм.

Надо признать, что он довольно часто для банковского деятеля делает акцент на социальных направлениях. Он всегда избегал групповых увольнений сотрудников — даже в кризисном 2009 году, да и после слияния с «Кредит-банком». Моравецкий серьезно поддерживает решения, связанные с улучшением положения семьи: начиная с банковских продуктов, заявленных в программе «Карта большой семьи», заканчивая политикой в отношении сотрудников. В его банке, отправляясь в декретный отпуск, женщины получают дополнительно оплаченный месяц.

Семейные традиции и интерес к истории своего народа

Неслучайно логотип банка часто появляется в контексте празднования исторических дат. Семейные традиции нового вице-премьера прежде всего связаны с личностью его отца, Корнеля Моравецкого, легенды антикоммунистической оппозиции, основателя «Борющейся Солидарности», маршала предыдущего созыва в нынешнем составе Сейма. Эти традиции проявляются в стремлении сохранить память о важных исторических событиях, в уважении к людям из оппозиции периода ПНР, в том числе к тем, которых зачастую забывают. «Ведь этим людям, подчас жертвовавшим в борьбе за свободную Польшу своим здоровьем, безопасностью близких, положившим на эту борьбу годы своей жизни, теперь даже не удосуживаются сказать «спасибо», — отметил он в одном из интервью газете «Жечпосполита».

Несколько дней тому назад, выступая в передаче на Третьем канале радио и отвечая на вопрос о том, что, возможно, его сын войдет в состав нового правительства, Корнель Моравецкий сказал, что это был бы хороший выбор, так как «у него и опыт есть и душа у него очень польская».

Это заметно, в частности, по многочисленным патриотическим проектам, в которых принимает участие банк BZ WKB, который, например, поддержал издание «Энциклопедии «Солидарности», сотрудничает с музеем Варшавского восстания, является спонсором конкурса пианистов им. Фридерика Шопена.

Моравецкий — сторонник более широкого взаимопроникновения науки и бизнеса, особенно что касается сотрудничества с учебными заведениями и студенческой средой. Он призывает молодых поляков, обучающихся в Англии, в частности, в рамках Polish Economic Forum, возвращаться на родину. «Нам нужно, чтобы вы вернулись в Польшу. Вы — креативны, вы знакомы с тем, как действуют различные институты на развитых рынках, вы сможете

создать рабочие места», — с таким призывом он обратился к студентам. Он подчеркнул также, что если в Англии они — граждане второго сорта, то в своей стране со своим образованием они станут элитой.

Недостатки? Он вежлив, но довольно официален в общении. Ему не присуща раскованность, позволяющая говорить на легкие темы.

Матеуш Моравецкий окончил исторический факультет Вроцлавского университета, курсы бизнес-администрирования Вроцлавского политехнического института и Университета Центрального Коннектикута, а также магистерские курсы MBA Экономической академии во Вроцлаве. На его счету последипломные курсы, в частности, в области европейского права и экономической интеграции, которые он прошел в Гамбургском университете. Кроме того, он прошел курс обучения руководящего звена в школе менеджмента им. Келлога в Северо-западном Университете в г. Эванстон в США.

Хроника (некоторых) текущих событий

- «Вчера состоялось первое заседание Сейма восьмого созыва. Фракция «Права и справедливости», выигравшей выборы и ставшей первой после 1989 г. партией, которая будет править страной совершенно самостоятельно, встретила отставку правительства Эвы Копач аплодисментами. Присутствовали почти все депутаты, поскольку в этот день народные избранники приносили присягу — и только 30 из 460 не стали произносить финального предложения текста присяги: «Да поможет мне Бог». (...) Отправляясь вместе со своим правительством в отставку, Эва Копач пожелала новой команде работать еще лучше, чем “Гражданская платформа”». (Рената Грохаль, Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 13 нояб.)
- «Куда более скверным, чем имитация коллегиальности (в Президиуме Сейма у «Права и справедливости» три — включая представителя фракции «Кукиз’15» — голоса из пяти, поскольку ПИС лишила права на представительство в Президиуме пятую из прошедших в парламент партий, а именно крестьянскую партию ПСЛ — В.К.) представляется упразднение принципа сменяемости председателя комиссии по вопросам спецслужб. В этом случае оппозиция теряет возможность принимать участие в заседаниях коллегии по вопросам спецслужб, действующей при премьер-министре. На заседаниях комиссии рассматриваются вопросы, связанные с задачами спецслужб, заслушивается информация об их деятельности. Участие в работе этой структуры дает оппозиции возможность непосредственно знакомиться с работой спецслужб. (...) И эта явная попытка засекретить свою будущую деятельность выглядит довольно угрожающе», — Влодзимеж Цимошевич, бывший сенатор, депутат, маршал Сейма, министр юстиции, министр иностранных дел и вице-премьер. («Газета wyborcza», 18 нояб.)
- «Целый ряд срочных отставок произошел в ночь со среды на четверг. Премьер-министр Беата Шидло внесла предложение об увольнении командования армии и руководства спецслужб, а парламентская комиссия по вопросам спецслужб дала положительное заключение относительно данной инициативы. (...) На ночном заседании Сейма, в ходе которого парламент поддержал предложение об отставке четырех генералов, появились Антоний Мацеревич и координатор

спецслужб Мариуш Каминский». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 20 нояб.)

• «Не дожидаясь результатов апелляции, президент воспользовался правом помилования в отношении Мариуша Каминского и трех других лиц, осужденных вместе с М. Каминским за злоупотребление полномочиями в ходе спецопераций Центрального антикоррупционного бюро в 2006–2007 годах. В марте 2015 г. суд первой инстанции признал, что (...) обвиняемые незаконно подделывали документы, злоупотребляли «прослушкой» и устраивали разного рода провокации. (...) “Уголовно-процессуальный кодекс четко указывает, что право помилования, предоставленное конституцией президенту, может использоваться только в отношении лиц, осужденных на основании вступившего в законную силу приговора суда”, — говорит Рышард Калиш, бывший министр в канцелярии президента Александра Квасневского. Профессор Анджей Золь, бывший председатель Конституционного трибунала, посчитал решение Анджея Дуды “прямым вмешательством в деятельность правосудия”». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 18 нояб.)

• «Александр Халль, секретарь наградной коллегии ордена Белого орла, а также член коллегии, профессор Хенрик Самсонович, решили покинуть ряды этой структуры. Они пояснили, что причиной такого шага стало решение президента Анджея Дуды о помиловании Мариуша Каминского». («Жечпосполита», 25 нояб.)

• «Производство по делу бывшего руководства Центрального антикоррупционного бюро прекращено не будет. Материалы дела — приговор первой инстанции с его мотивировочной частью — в соответствии с процессуальными нормами будут переданы в суд второй инстанции, который продолжит рассмотрение дела. Об этом на пресс-конференции сообщила Эва Лещиньская-Фуртак, пресс-секретарь по уголовным делам Okręgowego sądu w Warszawie. Она также подчеркнула, что решение президента относительно помилования Мариуша Каминского и еще троих обвиняемых будет реализовано, и приговор в отношении всех четверых не будет приведен в исполнение». (Малгожата Крышкевич, «Дзенник газета права», 2 дек.)

• «В ночь со среды на четверг Сейм избрал новый состав Государственного трибунала. Большинство мест в нем получила партия “Право и справедливость”». («Газета wyborcza», 20 нояб.)

• «Гжегож Берецкий, один из учредителей Кооперативных кредитно-сберегательных касс (ККСК), вчера возглавил комиссию Сената по финансам и бюджету. (...) В парламенте предыдущего созыва членство Берецкого во фракции ПИС было приостановлено после сообщения руководства Комиссии

финансового надзора о том, что как минимум 65 млн злотых, находившихся на счетах ККСК, были перечислены частной компании, контролируемой сенатором Берецким. (...) Перед самыми выборами Берецкого поддержал Ярослав Качинский». («Газета wyborcza», 14-15 нояб.)

- «Председателем комиссии Сейма по правам человека и вопросам правосудия был избран депутат Станислав Пиотрович, который, возглавляя в 2001 г. районную прокуратуру, оправдал действия священника-педофила. (...) Прокуратура, которой тогда руководил нынешний депутат от «Права и справедливости» Пиотрович, закрыла дело, поскольку, по мнению прокурора, действия священника в отношении детей “не содержали признаков правонарушения”». (Войцех Тохман, «Газета wyborcza», 26 нояб.)

- «В Сейме партия «Право и справедливость» менее чем за час провела три слушания по законопроекту и с рекордной скоростью приняла новый закон о Конституционном трибунале, позволяющий партии власти избрать пять новых судей в состав трибунала. В знак протеста депутаты «Гражданской платформы» и «Современной» покинули зал заседаний». (Томаш Пласкота, Паула Радванович, «Польска», 20-22 нояб.)

- «Комиссар Совета Европы по правам человека Нильс Муйжниекус прокомментировал принятие закона в своем Твиттере: “Закон об изменениях в составе Конституционного трибунала, принятый польским парламентом, нарушает принцип верховенства права и должен быть отменен”». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 20 нояб.)

- «Закон о Конституционном трибунале в пятницу, после ночных слушаний, был одобрен Сенатом, а затем немедленно подписан президентом, в тот же день оказавшись в реестре нормативно-правовых актов. Закон вступит в силу 4 декабря». («Газета wyborcza», 21-22 нояб.)

- «Сегодня была уничтожена система защиты прав человека и гражданина от произвола государственной — исполнительной и законодательной — власти. Такую защиту осуществлял Конституционный трибунал. Он отменял законы, нарушающие наши свободы. (...) 25-летняя история демократической Польши закончилась», — профессор Анджей Золь, бывший председатель Конституционного трибунала, бывший уполномоченный по гражданским правам. («Газета wyborcza», 21-22 нояб.)

- «По инициативе “Права и справедливости” Сейм принял закон, который аннулировал избрание парламентом предыдущего созыва пяти судей Конституционного трибунала. Тем самым были нарушены основные принципы правового

государства и продемонстрировано явное неуважение к конституции. Парламент не может отменять решения Сейма предыдущего созыва — разве что свои собственные. (...) Что самое худшее, отмена решения Сейма предыдущего созыва о назначении судей Конституционного трибунала нарушила сам принцип сменяемости некоторых государственных должностей. Суть этого принципа, в частности, заключается в том, что определенные должностные лица не могут быть уволены в течение всего срока своих полномочий, за исключением случаев, особо оговоренных в законе. (...) Подчинение трибунала парламентскому большинству делает это большинство совершенно безнаказанным, позволяет, не обращая внимания на конституцию и предусмотренные в ней ограничения, принимать законы по своему усмотрению, не считаясь с правами и свободами граждан. От демократии остается только оболочка, то есть власть парламентского большинства, не сдерживаемая ничем, даже если это большинство невменяемо», — профессор Ян Видацкий. («Пшеглэнд», 30 нояб. — 6 дек.)

- «“У Конституционного трибунала слабая легитимность, это политическая структура, но — что намного хуже — в современных политических условиях это еще и партийная структура, а такая практика нуждается в серьезных ограничениях”, — заявил в минувшую среду в эфире «ТВ Република» Ярослав Качинский». (Милош Гловацкий, «Польска», 30 нояб.)

- «Единственный институт в правовом государстве, обеспечивающий неукоснительное соблюдение парламентом ограничений, предусмотренных конституцией — это независимый конституционный суд. Люди, заявляющие о его ограниченной демократической легитимности либо о необходимости внешнего контроля над ним, абсолютно не понимают, а скорее, не хотят понимать, что такое независимая судебная власть», — профессор Марек Сафьян, бывший председатель Конституционного трибунала, с 2009 г. судья Европейского суда. («Жечпосполита», 30 нояб.)

- «Судьи должны выносить решения в тишине своих кабинетов, подальше от какой бы то ни было политической конъюнктуры и давления извне. Последние события, кажется, свидетельствуют, что политический и медийный прессинг в отношении судей Конституционного трибунала перешел всякие границы. Когда перестают работать любые гарантии независимости судебной власти, остается рассчитывать на силу духа», — Анета Лазарская, судья Окружного суда. («Жечпосполита», 3 дек.)

- «В конституции сказано, что срок полномочий судей Конституционного трибунала составляет девять лет. Очевидно,

это сделано для того, чтобы власть находилась под контролем судей, избранными ее предшественницей. (...) «Гражданская платформа» правила Польшей восемь лет, поэтому большинство судей трибунала было назначено одной коалицией. Кроме того, ГП пыталась «авансом» назначить судей, чей срок полномочий тогда еще не истек. Под этим предлогом партия «Право и справедливость» (...) проголосовала за признание недействительным назначения пяти судей, осуществленного «Гражданской платформой», и выдвинула собственных кандидатов. А заодно внесла в закон о Конституционном трибунале изменения, расширяющие компетенцию президента за счет полномочий трибунала. Так что в этой истории и у ГП, и у ПИС совесть не чиста». (Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 3 дек.)

• «Благодаря голосам депутатов «Права и справедливости», а также нескольких человек из фракции «Кукиз'15», в Конституционный трибунал было избрано пять представителей, занявших места, на которые судей ранее уже назначил Сейм предыдущего созыва. Партия «Право и справедливость» решила не дожидаться сегодняшнего постановления трибунала, который должен был решить, соответствуют ли конституции правила, на основании которых избрал судей парламент предыдущего созыва. (...) Корнель Моравецкий (фракция «Кукиз'15») повторил свою крылатую фразу, которую он впервые произнес неделю назад, когда Сейм ночью признал недействительными решения Сейма предыдущего созыва об избрании пяти судей. “Благо народа должно быть выше закона”, — сказал тогда Моравецкий, тут же подчеркнув: «И даже выше конституции”». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza»)

• «В ночь со среды на четверг, в срочном режиме президент утвердил кандидатуры пяти судей Конституционного трибунала, представленные «Правом и справедливостью». Политики из партии Ярослава Качинского считают, что эти судьи должны заменить пятерых членов трибунала, избранных партией «Гражданская платформа» в конце ее пребывания у власти». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 4 дек.)

• «В четверг Конституционный трибунал постановил, что избрание троих судей трибунала, совершенное Сеймом предыдущего созыва, не противоречило конституции, а президент Польши был обязан незамедлительно принять их присягу. (...) Как установил трибунал, депутаты избрали тогда пятерых судей, однако двоих из них избрали незаконно, лишив возможности выбора судей следующий состав парламента». (Томаш Петрыга, «Жечпосполита», 4 дек.)

• «Президент, будучи выпускником юридического факультета Ягеллонского университета в Кракове и моим воспитанником,

не должен нарушать конституцию. Мне очень жаль, что это все-таки происходит. За последнее время президент трижды нарушил закон. Он помиловал Мариуша Каминского до вступления приговора в законную силу. Не утвердил в должности трех судей Конституционного трибунала, которые были избраны парламентом предыдущего созыва на законных основаниях. На скорую руку назначил судей трибунала, избранных Сеймом нынешнего созыва», — профессор Ян Зиммерман, под чьим руководством Анджей Дуда писал кандидатскую диссертацию. («Газета выборча», 4 дек.)

• «Глава Европейского совета по международным отношениям Петр Бурас вчера отказался от членства в президентском Национальном совете по развитию. В письме, направленном на имя Анджея Дуды, он указал, что поведение президента в ситуации с Конституционным трибуналом (...) “нарушает конституцию и подрывает авторитет Конституционного трибунала”». («Газета выборча», 4 дек.)

• «Резолюция № 303/XI/2015 Совета факультета права и управления Ягеллонского университета от 30 ноября 2015 года. Совет факультета права и управления Ягеллонского университета выражает глубокую обеспокоенность по поводу событий, вызванных действиями высших государственных органов страны. В результате действий органов государственной власти под угрозой оказалась независимость судов, в частности, Конституционного трибунала, выступающего одной из гарантий конституционного правопорядка. Подписанный господином Президентом закон от 19 ноября 2015 г. о внесении изменений в закон о Конституционном трибунале противоречит таким принципам демократического правового государства, как независимость судей, верховенство права и отсутствие обратной силы закона. (...) В ночь с 25 на 26 ноября Сейм Республики Польша принял постановления, признающие недействительными результаты выборов судей Конституционного трибунала Сеймом предыдущего созыва. Эти постановления лишены какой-либо юридической силы и усугубляют конституционный кризис в стране. Мы обращаемся к господину Президенту (...) с просьбой уважать ценности, на защите которых стоит наше учебное заведение: право и гражданские свободы. Мы призываем незамедлительно принять меры по недопущению продолжающегося нарушения равновесия между судебной властью, с одной стороны, и законодательной и исполнительной — с другой. Мы надеемся, что Вы исполните свой долг защитника конституции и Польши как демократического правового государства. Декан факультета права и управления, профессор, доктор наук Кристина Хойнацкая». («Пшеглэнд», 7-13 дек., также «Польска», 7 дек.)

- «Вчера (...) председатель Конституционного трибунала Анджей Жеплинский принял на работу четырех новых судей трибунала (предложенных «Правом и справедливостью» и избранных Сеймом на этой неделе). Судьям были предоставлены кабинеты и выданы документы». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска цодзенне», 5-6 дек.)
- «Сейчас они наделены статусом сотрудников трибунала. Однако они не будут выносить решения, пока вопрос окончательно не прояснится. Сейчас моей главной задачей как председателя трибунала является исполнение вердикта от 3 декабря, согласно которому президент обязан привести к присяге трех судей, правомерно избранных в октябре на места, освободившиеся в ноябре. Я также должен поспособствовать тому, чтобы президент незамедлительно привел этих судей к присяге. Судебное решение в правовом государстве должно быть исполнено и нарушать этот порядок нельзя», — председатель Конституционного трибунала Анджей Жеплинский. («Газета wyborcza», 5-6 дек.)
- «Генеральный секретарь Совета Европы Турбьёрн Ягланд на официальном сайте Совета Европы заявил, что решение Конституционного трибунала “во всех своих аспектах должно быть сейчас же претворено в жизнь”». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 7 дек.)
- «В субботу вступили в силу изменения в законе о Конституционном трибунале, которые, в частности, сокращают срок полномочий председателя трибунала. (...) Правительство до сих пор не опубликовало в реестре нормативно-правовых актов принятое в четверг постановление трибунала о соответствии конституции избрания трех судей, совершенного Сеймом предыдущего созыва. Постановления трибунала вступают в законную силу только после опубликования в реестре нормативно-правовых актов. («Жечпосполита», 7 дек.)
- «Президент не собирается принимать присягу судей Конституционного трибунала, избранных Сеймом предыдущего созыва. Об этом сообщил Марек Магеровский, пресс-секретарь президента Анджея Дуды». («Дзенник газета правна», 9 дек.)
- «В среду утром, еще до заседания Конституционного трибунала, президент Анджей Дуда принял присягу Юлии Пшилембской, избранной на должность судьи трибунала депутатами от «Права и справедливости». Четверо других судей, также избранных ПИСом, принесли присягу президенту на прошлой неделе». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 10 дек.)
- «Не могу прокомментировать ситуацию как юрист, поскольку юриспруденция и право на этом закончились», — Ежи

Стенпень, бывший председатель Конституционного трибунала. «Конституция Республики Польша, ст. 190, п. 1. Решения Конституционного трибунала имеют общеобязательную силу и являются окончательными». («Газета wyborcza», 9 дек.)

- «Согласно принятому в среду решению Конституционного трибунала, ноябрьские изменения в закон о трибунале, автором которых выступила «Право и справедливость», частично не соответствуют конституции. Трибунал признал незаконным: лишение полномочий председателя трибунала профессора Анджея Жеплинского и вице-президента Станислава Берната; введение условия, согласно которому судья наделяется полномочиями с момента принесения присяги президенту; избрание новых судей на место уже избранных Сеймом предыдущего созыва. Трибунал согласился с введением трехлетнего срока полномочий для председателя и вице-председателя Конституционного трибунала, подчеркнув, однако, что одно и то же лицо не может занимать эти должности два раза подряд». (Марек Домагальский, Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 10 дек.)

- «С юридической точки зрения Конституционный трибунал принял то решение, которое должен был принять. Однако политики из «Права и справедливости» и президент Анджей Дуда следовать этим решениям не собираются. (...) Что будет дальше? Судьи, избранные Сеймом предыдущего созыва, не могут участвовать в осуществлении правосудия, поскольку не принесли присягу. Судьи же, избранные нынешним Сеймом, также этого не могут, поскольку не ясен их юридический статус. (...) Решить, кто из них был (и были ли такие) избран правоммерно, и лишить полномочий тех, кто избран с нарушением закона, может лишь Общее собрание судей Конституционного трибунала (внутренний орган управления трибунала)». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 10 дек.)

- «В результате конституционного кризиса принцип верховенства Сейма по отношению к другим органам власти превратился в фундаментальный элемент общественного устройства. (...) “В нашей правовой реальности решения, принимаемые Сеймом, обязательны. Это решения, принятые высшим органом законодательной власти, избранным народом”, — вторил вчера Корнелю Моравецкому президент Анджей Дуда». (Збигнев Парафянович, «Дзенник газета правна», 10 дек.)

- По мнению 55% поляков, действия «Права и справедливости» в ситуации с Конституционным трибуналом угрожают демократии. Противоположного мнения на этот счет придерживаются 24% респондентов, а 21% не определились со своей точкой зрения по данному вопросу. Опрос исследовательского центра SW Research. («Ньюсуик Польска», 7-

13 дек.)

- «По данным опроса, проведенного Институтом рыночных и общественных исследований 27–28 ноября, 55% поляков согласны с утверждением, что демократия в нашей стране находится под угрозой. При этом 28% в этом «совершенно уверены», а 27% считают, что «это скорее всего так». Противоположного мнения придерживаются почти 35% опрошенных. (...) Наибольшее количество пессимистов проживает в самых крупных городах — там об угрозе для демократии говорят 70% респондентов. Однако безрадостным настроениям подвержены и жители сельской местности (52%). Самыми большими оптимистами являются жители средних по величине городов с количеством жителей от 50 до 250 тысяч. 51% из них не видит никакой угрозы для демократии в Польше». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 30 нояб.)
- «В субботу группа Комитета защиты демократии (КЗД) на фейсбуке насчитывала 3,5 тыс. пользователей. В воскресенье вечером их было уже свыше 25 тысяч». «Такая спонтанная активность в интернете стала реакцией на итоги первой недели пребывания у власти партии «Право и справедливость». (...) КЗД был основан 47-летним программистом Матеушом Киёвским, который ранее не принимал участия в политической деятельности. «Поведение власти, ее пренебрежительное отношение к законам и демократическим традициям вынуждают нас заявить о своем решительном протесте. (...) Среди нас есть люди разных воззрений и политических симпатий, верующие, агностики и атеисты. Объединяет нас то, что мы считаем себя свободными людьми и хотим, чтобы в нашей стране никто не указывал нам, как нам жить», — говорится в манифесте КЗД». (Мацей Орловский, «Газета wyborcza», 23 нояб.)
- «Раздается голос поколения, в котором много хорошо образованных людей, в основном 30-летних. (...) Они не могут взять в толк, с какой стати ими руководят политики, которые явно проигрывают им в эрудиции и интеллекте. Это вызывает у них возмущение». (Каролина Вигура, «Тыгодник повшехны», 8 нояб.)
- «Думаю, в ближайшем будущем Комитету защиты демократии не стоит ждать хороших новостей. Сомневаюсь, что такие ценности, как законность, беспристрастность судей или лояльность по отношению к Европе, будут у нас высоко котируются. (...) «Закон должен служить нам. Закон, который не служит народу — это беззаконие!», — этим словам Корнеля Моравецкого, который он произнес в Сейме, стоя рукоплескали депутаты правых партий, но я подозреваю, что значительная часть этого самого народа — совершенно не задумываясь, что значит «закон должен служить нам», и кто решает, в чем

закljučается «благо народа» — также аплодировала бы им стоя. (...) Не знаю, удастся ли активистам КЗД убедить общество в своей правоте. (...) Если все же КЗД поставил нам правильный диагноз, ему не нужно будет убеждать общество — оно во всем убедится само», — о. Адам Бонецкий. («Тыгодник повшехны», 6 дек.)

• Ок. 50 тыс. человек (по данным городских властей) насчитывала субботняя манифестация в защиту демократии и конституции, организованная КЗД в Варшаве. В марше участвовали лидер КЗД Матеуш Киёвский, лидеры оппозиционных партий, а также о. Войцех Леманский. Аналогичные демонстрации прошли в Познани, Вроцлаве, Гданьске, Торуни, Щецине, Люблине и Бельско-Бялой. В них приняли участие по несколько тысяч демонстрантов. Ответом «Права и справедливости» стал марш в поддержку правительства и президента. Сторонников ПИСа свозили на автобусах со всей Польши — по данным из разных источников, проправительственных манифестантов было от 15 (данные городских властей) до 80 тысяч. Председатель ПИС Ярослав Качинский выступал дважды. О тех, кто «сопротивляется большим переменам» он сказал, что «им хотелось бы по-прежнему грабить эту страну», а ту часть общества, которая не разделяет взглядов «Права и справедливости», Качинский назвал «поляками наихудшего сорта». (по материалам «Польски», «Жечпосполитой», «Газеты wyborчей» и «Газеты Польска цодзенне» от 14 дек., а также программ Польского радио от 12 и 13 дек.)

• «Наша демократия выглядит так же, как наш парламент. В ней доминируют две недемократические, олигархические партии с авторитарным стилем управления. Это создает недемократический климат в стране. Хотя на самом-то деле — сколько там у них членов? 30 тысяч? 40? Отражает ли это настроения нашего общества? Какая у этих партий репрезентативность? (...) Наша политика и наша демократия сводятся к тому, чтобы возбуждать ненависть к противоположной стороне. (...) У нас только два настоящих политика — Туск и Качинский. И всё. Эти двое не оставили место ни для кого другого. И это очень опасно. Кто возьмет ответственность за страну?», — проф. Павел Спёвак. («Дзенник газета правна», 27-29 нояб.)

• «Туск замкнул на себя всю власть ради нее самой. (...) Качинский делает то же самое, но только для того, чтобы добиться реальных перемен в стране. (...) Туск считал, что государство, будучи таким, каким оно есть, способно удовлетворить текущие нужды, связанные с управлением Польшей, (...) а также сделает возможным распределение европейских фондов, что уже само по себе продвинет Польшу

вперед. Качинский же (...) хочет изменить Польшу. (...) Он считает, что изменит ее к лучшему — и пока не отдает себе отчета в том, что сеет вокруг только хаос. (...) В действительности он сам не очень-то знает, какую страну в результате хочет увидеть. Он мечтает сделать Польшу сильной, независимой, более самостоятельной — но совершенно непонятно, где концепция, способная все это обеспечить», — Людвик Дорн, бывший маршал Сейма и министр внутренних дел и управления. («Польска», 11-13 дек.)

• Поддержка партий: «Право и справедливость» — 30%, «Современная» (Рышард Петру) — 25%, «Гражданская платформа» — 15%, Коалиция левых сил — 7%, крестьянская партия ПСЛ — 6%, Кукиз'15 — 5%, КОРВИН («Коалиция обновления республики – вольность и надежда») — 5%. Опрос Института рыночных и общественных исследований, 11-12 декабря. («Жечпосполита», 14 дек.)

• «После выборов, которые выиграла партия «Право и справедливость», в радиопрограммах и телепередачах, а также на страницах газет стали появляться новые персонажи. Одновременно стал меняться язык и характер политических высказываний. Также появилось другое мировоззрение, другие идеи относительно будущего Польши и ее роли на мировой арене, относительно нашей жизни. Резкость и головокружительный темп этих перемен, гармонируя со стилем принятия решений партией «Право и справедливость», удивили многих журналистов. (...) Вот уже несколько месяцев мы наблюдаем растерянность и даже бессилие представителей влиятельнейших польских масс-медиа. В самом деле, как вести себя с гостями теле- и радиостудий, демонстрирующими свои иррациональные, агрессивные, антидемократические либо дискриминационные взгляды?». (Паулина Вильк, «Тыгодник повшехны», 29 нояб.)

• «Премьер-министр Беата Шидло — уже не первый польский политик, которому не нравится соседство флагов ЕС с польскими национальными флагами. Так, президент Чехии Вацлав Клаус однажды заявил, что флаг ЕС не будет развеиваться над Градчанами, пока он руководит страной. Виктор Орбан (...) выступает на фоне гобелена из венгерских национальных флагов. А несколько дней назад президент Дуда, принципиально не встающий во время исполнения гимна ЕС, распорядился убрать в шкаф находящиеся в Бельведерском дворце флаги Евросоюза». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 26 нояб.)

• «Мы сейчас в кабинете премьера — и вы видите, что флаг ЕС никуда не делся. Флаг Евросоюза также продолжает висеть на здании Канцелярии премьер-министра, в зале заседаний правительства. (...) Я являюсь премьер-министром польского

правительства и на пресс-конференциях хочу выступать на фоне бело-красного флага, который считаю самым прекрасным в мире», — премьер-министр Польши Беата Шидло.

(«Жечпосполита», 27 нояб.)

• «Президент Анджей Дуда признает Орден возрождения Польши, хотя и не стал создавать наградной комиссии. Ее бывшие члены говорят о снижении авторитета этой награды».

(«Жечпосполита», 30 нояб.)

• «Правительство, сформированное «Правом и справедливостью», закрыло интернет-страницы с отчетом комиссии Ежи Миллера по вопросам причин смоленской катастрофы и всеми наработками команды Мацея Ласека, председателя Государственной комиссии расследования авиакатастроф». (Ярослав Курский, «Газета выборча», 26 нояб.)

• «По распоряжению министра национальной обороны Антония Мацеревича во вчерашних мероприятиях памяти жертв смоленской катастрофы, проходящих 10-го числа каждого месяца, участвовал почетный военный караул. Возле портрета Марии и Леха Качинских, выставленного перед президентским дворцом, стояли на посту солдаты. Теперь так будет каждый месяц». (Себастьян Клаузинский, «Газета выборча», 11 дек.)

• «Вице-премьер и министр культуры Петр Глинский вместе с представителями епископата огласил 27 ноября в Королевском замке в Варшаве программу празднования 1050-летия крещения Польши. (...) Кроме мероприятий религиозного характера, в программе, бюджет которой составляет 6 млн злотых, также много культурно-образовательных мероприятий». (Иоанна Самолык, «Политика», 2-8 дек.)

• «На присяге правительства в президентском дворце присутствовали представители католической церкви: о. Тадеуш Рыдзык, епископ Антоний Дыдыч и глава польского Епископата, архиепископ Станислав Гондецкий. Представители конфессий приглашены не были». (Катажина Вишневская, «Газета выборча», 4 дек.)

• «На субботние торжества, посвященные 24-му юбилею радио «Мария», в Торунь приехали как церковные иерархи, так и представители правительства. Прибыло немало министров (...) и парламентариев. Председатель «Права и справедливости» Ярослав Качинский лично поблагодарил учредителей и сотрудников радио за их многолетнюю работу: «Без вас, отец директор, мы бы не победили. (...) Эта победа подтверждает еще одну истину — фундаментом всего польского является католическая Церковь, и не может быть Польши без Церкви». (Иоанна Мацеевская, «Польска», 7 дек.)

• «Государство дотирует католическое образование: мы финансируем Папскую академию теологии в Кракове,

Люблинский католический университет, Христианскую богословскую академию в Варшаве, а также девять теологических факультетов в других университетах. Государство также оплачивает обучение и проведение Церковью занятий в государственных школах и детских садах, дотирует католические интернаты, больницы и сиротские приюты. (...) Гмины охотно снимают с себя бремя дорогостоящих обязанностей по обеспечению школ, детских садов и т. д., передавая эти учреждения Церкви, которая отлично умеет получать от государства деньги на свою деятельность. (...) Сегодня мы наблюдаем, как важные ресурсы, а также полномочия государства переходят в руки Церкви. (...) Церковь постепенно заполняет страну со слабыми государственными институтами тысячами верных себе людей, которых она опекает, воспитывает и учит, а затем обеспечивает им карьеру на различных предприятиях. Это целая армия, которая сегодня добивается еще более сильного сращивания государственных структур с Церковью», — Збигнев Щенсны. («Жечпосполита», 3 нояб.)

- «В Польше в прошлом году действовало 885 благотворительных организаций католической Церкви (...), говорится в отчете Института статистики католической Церкви. (...) Помощью Церкви воспользовались около 8 млн человек. (...) В рамках своей благотворительной деятельности Церковь заключила трудовые договоры с 33 тыс. человек. Для Церкви также работают 88 тыс. волонтеров. (...) Источники денежных средств: 24% — поступления от органов местного самоуправления, 23% — дары и пожертвования, 14% — налоговые отчисления. Другие источники — государственные пожертвования, хозяйственная деятельность и европейские фонды». («Газета wyborча», 4 дек.)

- «Премьере «Смерти и девушки» Эльфриды Елинек предшествовал пикет «Крестового похода святого Розария», поддержанный националистами, которые не пускали зрителей в театр «Польски» во Вроцлаве. Пришлось вмешаться полиции». (Яцек Цесляк). «Премьера «Смерти и девушки» закончилась овацией, во время которой зрительный зал встал, билеты проданы до конца года, но атмосфера по-прежнему беспокойна. (...) Лидер партии «Современная», депутат Рышард Петру пообещал, что пригласит на представление вице-премьера и министра культуры Петра Глинского, так как последний потребовал предоставить ему фотографии сцен спектакля еще за неделю до премьеры». («Жечпосполита», 23 нояб.)

- «Фотовыставка с изображениями Тадеуша Мазовецкого и других политиков, с которыми он работал, вызвала такую волну агрессии, что экспозицию сняли на неделю раньше».

«Выставка под названием «Чего только не было с нами!» состоит из 30 табличек с фотографиями, выполненными Здиславом Вальчуком. В 80-е годы он принимал участие в выпуске и распространении подпольных изданий. Член Ассоциации свободного слова. (...) Последнюю выставку он посвятил первому премьер-министру III Речи Посполитой Тадеушу Мазовецкому и другим политикам, которых назвал создателями и героями “Солидарности”». (Томаш Ужиковский, Ежи С. Маевский, «Газета выборча», 25 нояб.)

• «Польша, какой она стала после 1989 года, была детищем Чеслава Кищака (бывший министр внутренних дел ПНР и «правая рука» генерала Войцеха Ярузельского). III Речь Посполитая появилась согласно плану, дотошно разработанного Кищакком. (...) В результате реализации этого плана должно было возникнуть квазидемократическое государство, где коммунисты разделили бы ответственность за управление Польшей с оппозицией. Союзниками Кищака оказалась часть элиты движения «Солидарность» во главе с Яцеком Куронем и Адамом Михником, начинавшая свою деятельность еще в Комитете по защите рабочих. (...) Кищак привлек к осуществлению своего плана также представителей Церкви, умело маскируя свои истинные цели заботой о Польше. (...) Кищак организовал самый настоящий политический спектакль во время Круглого стола, вошедшего в историю как один из лучших образцов демократии. (...) Его политический план был обычным мошенничеством, жертвами которой стали оппозиция и миллионы поляков». (Лешек Петшак, «Уважаю же историю», дек. 2015)

• «Я отвечу как историк. Поляки — дезориентированы. Они оказались податливы на разного рода сказки и демагогию, слишком легко поверили всякому вздору, используемому как орудие в политической борьбе. Посмотрите, что сделали с Круглым столом. Миллионы поляков позволили внушить себе, что это был заговор. Никаких доказательств этому нет, зато последствия ужасны, поскольку миф о заговоре лишает власть какой-либо демократической легитимности. Просто отказывает ей во всяком уважении», — Норман Дариес. («Ньюсуик история», 12/2015)

• «За последние десять лет выросло количество поляков, утверждающих, что они не прочитали за год ни одной книги. Почти 60% взрослых поляков не читает книг. Количество тех, кто активно читает книги, уменьшилось за это время вдвое, и в настоящее время составляет 10% взрослых поляков». (Михал Болтрык, «Пшеглэнд православный», дек. 2015)

• «Субботним утром 14 ноября, сразу после серии терактов в Париже, живущие в Лиманове цыгане увидели надписи: «Вон из Польши, ублюдки», «Ждите расправы», «Польша для

поляков». И это еще самые невинные лозунги. В некоторых призывах к насилию фигурировали фамилии конкретных семей. Злоумышленники уничтожили несколько цыганских автомобилей. (...) Кто-то развесил плакаты: «Нет исламскому району в нашем городе». Магистрат Лимановы распорядился закрасить надписи, однако плакаты остались». (Бартоломей Курась, «Газета выборча», 23 нояб.)

- «В центре Вроцлава активисты Национально-радикального лагеря сожгли чучело еврея, держащего в руке флаг ЕС. Полиция не вмешивалась. Национально-радикальный лагерь обещал, что на этом не остановится». «Представитель Союза религиозных еврейских общин Республики Польша Александр Глейхгевихт попросил о срочной встрече с комендантом городской полиции Вроцлава, заявив: “Возникла ситуация, когда терпимость и политкорректность проявляются по отношению к врагам политкорректности, а это недопустимо. Из-за бездействия полиции мы чувствуем себя в опасности”».

(Яцек Харлукович, Матеуш Чмель, «Газета выборча», 20 нояб.)

- «Сейчас в Израиле находится группа охранников из фирмы «City Security», которые будут помогать израильским спецслужбам. (...) Решение о визите польских охранников принял владелец фирмы «City Security» Бениамин Красицкий, направивший в Израиль охранников-добровольцев. (...) Красицкий объявил, что готов возместить все расходы, связанные с поездкой своих сотрудников и не просит для себя вознаграждения за их труд. По его оценкам, вся операция будет стоить ок. 700 тыс. долларов. (...) «Мы, жители Польши, в прошлом часто становились свидетелями агрессии в отношении евреев, — написал Красицкий израильскому министру по вопросам безопасности. И мы хорошо знаем: тот, кто нападает на евреев, впоследствии атакует нас». (...) Его бабушка, Роза Собанская, во время Второй мировой войны укрывала евреев в своем имении в Гузове в окрестностях Жирардова». (Марек Козубаль, Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 11 дек.)

- «Отношение поляков к чужакам ухудшается с каждым месяцем. Когда ЦИОМ в сентябре проводил опрос относительно приема беженцев, 38% респондентов заявили, что мы не должны этого делать, 56% ничего не имели против присутствия беженцев в Польше, но только до того момента, пока в странах, откуда прибыли приезжие, не закончатся конфликты. (...) Еще в мае тех, кто принял бы беженцев, было на 16% больше. Тех же, кто не желал видеть их у себя в стране — на 17% меньше». (Анна Виттенберг, «Дзенник газета правна», 17 нояб.)

- «Польские гмины объявили о приеме 435 беженцев, в том числе 113 семей, 212 детей и 27 одиночек. (...) Не решилась

пригласить беженцев ни одна гмина из Подкарпатья и Люблинского воеводства. Это серьезно подрывает имидж Польши, которая обязалась принять почти 7 тыс. беженцев из Сирии и Египта в течение двух лет. Первая группа из 900 человек прибудет из лагеря для беженцев в Ливане уже через несколько месяцев». (Изабела Кацпшак, «Жечпосполита», 23 нояб.)

- До настоящего времени «1 545 человек в Польше получили статус беженца и вид на жительство, легализующий их пребывание в нашей стране. Вместе с лицами, пользующимися другими формами международной защиты (дополнительная охрана и разрешение на допустимое пребывание), их насчитывается 5 861 человек. По количеству лиц, ищущих у нас международную защиту, мы находимся на 13-14 местах среди стран Евросоюза (сведения предоставлены Управлением по делам иностранцев по состоянию на 1 июля 2015 года)». («Тыгодник повшехны», 22 нояб.)

- «Помощь беженцам в их интеграции в Польше ограничивается у нас годичным пособием. Риск в любой момент оказаться на улице, плохие жилищные условия, недружелюбный рынок труда, а также языковой и культурный барьер — эти проблемы беженцев в Польше Национальная контрольная палата считает основными. Государство не делает практически ничего, чтобы как-то справиться с ними, несмотря на имеющиеся международные обязательства. Ничего удивительного, что люди, получившие статус беженца в Польше, стремятся перебраться в другие европейские страны, где помощь беженцам существует на самом деле». (Эва Седлецкая, 13 нояб.)

- «Пограничники задержали почти сотню беженцев, которых поляки пытались перевезти через границу с Германией. За каждого человека такие перевозчики берут 3 тысячи евро. Для перевозки арендуются микроавтобусы. Фирма по прокату автомобилей выяснила, что один из микроавтобусов проехал целых 5 тыс. километров». («Газета wyborча», 17 нояб.)

- «Для видеонаблюдения на восточной границе — от Калининградской области до Бещад — закуплено самое современное оборудование стоимостью 100 млн злотых. Основная часть этой суммы перечислена Фондом внешних границ ЕС. (...) По распоряжению Главного коменданта пограничной службы также создана специальная оперативно-разведывательная группа (...) для борьбы с международными бандами, занимающимися переброской людей через границу. (...) Правительство также намерено возродить ликвидированный два года назад Карпатский отряд Пограничной службы на границе со Словакией». (Изабела Кацпшак, Гражина Завадка, «Жечпосполита», 7 дек.)

- «С января до 20 сентября 452 иностранцам (в том числе 202 гражданам Сирии) отказано во въезде на территорию Республики Польша в целях охраны безопасности страны и общественного порядка. (...) С 2011 г. по настоящее время Пограничная служба депортировала либо обратилась за решением о депортации 597 человек. (...) Вчера в Варшаве Агентство внутренней безопасности задержало по обвинению в террористической деятельности на территории Исламского государства 23-летнего поляка, последние 7 лет проживающего в Норвегии». (Изабела Кацпшак, Гражина Завадка, «Жечпосполита», 16 нояб.)
- «От своего лица и от лица всех польских мусульман, разделяющих мои мысли и чувства, хочу выразить глубокую обеспокоенность будущим Европы, а также мои искренние соболезнования руководству Французской Республики и семьям погибших 13 ноября в Париже. Тех, кто убивал, тоже необходимо убить, а зло — исламский фашизм — истребить на корню. Да здравствуют идеалы свободы, равенства и братства! Сегодня все мы — французы. (...) Я — поляк, татаро-поляк, и полностью отождествляю себя с Польшей и ее национальными интересами. Я также считаю себя европейцем, духовно связанным с европейской традицией. И лишь потом мусульманином, это мое личное дело. Взгляды большинства польских новообращенных мусульман, а также живущих в Польше арабов мне, как поляку, татарину, мусульманину, совершенно чужды», — Селим Хазбиевич, профессор Варминско-Мазурского университета, один из основателей Союза татар Республики Польша (РП), бывший имам мусульманской гмины в Гданьске. («Газета wyborcza», 19 нояб.)
- «Самой большой группой мусульман в нашей стране до 80-х годов прошлого века были татары. (...) Сегодня они, наоборот, составляют меньшинство — их в Польше менее 3 тыс. человек. (...) К появившемуся в период между двумя мировыми войнами Мусульманскому религиозному союзу в РП недавно присоединилась Мусульманская лига в РП, объединяющая в основном иммигрантов. (...) К татарам, а также примерно 10 тысячам иммигрантов примыкает третья группа — польские новообращенные мусульмане. Их несколько сотен, среди них — группа из полуторадесятка сторонников строгой интерпретации Корана. (...) Лица, исповедующие ислам, сегодня составляют менее одной десятой процента населения Польши». («Тыгодник повсехны», 13 дек.)
- «Демонстрация познаньских мусульман — это их реакция на теракты в Париже. Участники демонстрации хотели тем самым подчеркнуть, что Исламское государство не является представителем их религии. Мусульман поддержали и другие жители Познани. По данным полиции, в демонстрации

участвовали около 300 человек. (...) Мэр Познани Яцек Яськовяк тоже пришел на демонстрацию мусульман. “Не поддадимся на манипуляции тех, кто заявляет, что за ними стоит Бог. Нужно отличать людей, исповедующих религию, от тех, кто злоупотребляет религиозными чувствами”, — заявил Яськовяк. Он в очередной раз выступил в защиту беженцев с Ближнего Востока. Мэр Познани считает, что Польша обязана их принять. “Иисус был беженцем”, — подчеркнул мэр. Яськовяк также поблагодарил мусульман, участвующих в демонстрации, за их храбрость. “Я знаю, что вас запугивали”, — сказал он». (Петр Житницкий, Томаш Нычка, Иоанна Лесьневская, «Газета wyborcza», 30 нояб.)

Партия «Вместе»: открытие выборов

Фото: East News

До предвыборных дебатов о них мало кто знал. Сегодня Адриана Зандберга с его соратниками некоторые считают надеждой польских левых сил.

Он стал настоящим открытием последних дней кампании. Адриан Зандберг, один из лидеров партии «Вместе», во время предвыборных дебатов затмил бывалых политиков. Спокойный, сосредоточенный, конкретный, хорошо подготовленный к вопросам журналистов, он оставил далеко позади Эву Копач, кандидатов и кандидаток на пост премьера. Кроме того, в довольно тесном политическом мирке повеяло вдруг свежестью, а избиратели поняли: чтобы побеждать в дебатах, не обязательно просиживать целыми днями в телестудиях.

Твиттер раскалился добела. Томаш Лис комментирует: «Господин Зандберг из партии „Вместе“ — вполне удавшийся дебют на большой сцене». Марек Мигальский замечает: «Теперь серьезно — Зандберг неплох». Камила Беджицкая пишет: «Зандберг с партией «Вместе» весьма убедительны. Весьма!

#дебаты»

Восторгам не было конца. Так или иначе, Адриан Зандберг в один день стал главным героем СМИ. Журналисты быстро раздобыли сведения о молодом политике, который, прямо скажем, широкой публике был до сих пор не известен. И вот мы уже знаем, что Адриану Зандбергу 36 лет, по образованию он историк, но работает программистом в Польско-японской высшей школе информационных технологий. Однако в политике он не новичок. В прошлом сотрудничал с социал-демократической Федерацией молодых партии «Уния труда» и с Петром Иконовичем во время президентской кампании 2000 года. Как пишет еженедельник «Политика», Зандберг был также одним из основателей портала Lewica.pl. После раскола в Федерации молодых он вышел из партии вместе с группой деятелей, основав партию «Молодые социалисты». Вместе с Яцеком Куронем написал письмо «Друзьям-антиглобалистам», которое Куронь прочитал в 2004 г. на Европейском экономическом форуме, подчеркнув, что в руках молодежи будущее мира. В 2009 г. объединенные вокруг Зандберга «Молодые социалисты» предприняли попытку баллотироваться на Евровыборах как Польская социалистическая партия, но Брюссель им покорить не удалось. Потом была партия «Зеленых» и, наконец, партия «Вместе», которую он основал с Марцелиной Завишей и Мацеєм Конечным. Зандберг отвечает в партии за социальные сети, сайт и создание мемов.

Его раскрутили в СМИ, но и сам тоже неплохо потрудился, поскольку после дебатов партия «Вместе» пробились: о ней слышали избиратели, у некоторых она вызвала доверие. И хотя в Сейм они не попали, поддержка новой партии увеличилась с одного процента до четырех, а значит «Вместе» может рассчитывать на государственную дотацию. За всё, однако, приходится платить. Внимание СМИ, интервью, которые Зандберг давал практически ежедневно, стоили ему здоровья. Он разболелся, почти потерял голос и теперь вынужден отдыхать.

В партии смеются, что наконец возвратилась демократия, поскольку хоть Зандберг и стал лидером, все же в партии «Вместе» никаких шефов и председателей нет, а лидеров много. Зандберг пошел на дебаты, поскольку был первым номером в партийном списке в Варшаве, а в студии должны были встретиться прежде всего представители разных партий, баллотировавшиеся в Варшаве. Другое дело, что молодой политик обладает всесторонними знаниями и к дебатам готовился несколько дней.

— Мы хотим отойти от модели партии с одним лидером во главе. Члены нашей партии оказывают влияние на то, в каком

направлении мы движемся. Свободным голосованием мы выбрали правление, примерно так же произошло и на местах. Мы руководим на демократических основаниях, — поясняет Марта Новак, представительница партии «Вместе». Ни о каком единоличном руководстве не может быть и речи.

В самом деле, они организовались совсем недавно. Собственно говоря, в январе несколько активистов во главе с Марцелиной Завишей написали открытое письмо ко всем представителям левого крыла, призывая объединиться. Обращались они прежде всего к левым силам, не имеющим своего представительства в парламенте. «Мы не ожидали такого отклика, к нам приходили отдельные люди, хотели что-то делать. Мы не без опасений решились ввести в жизнь эту новую демократическую форму», — говорит Мацей Конечный, один из основателей и член правления партии. Он не скрывает, что чашу терпения переполнили президентские выборы и участвовавшие в них кандидаты левого крыла. Не за кого было голосовать, надо было что-то делать. Впрочем, обращавшиеся к ним люди наверняка думали так же, поскольку никогда прежде такие инициативы, как открытое письмо, не вызывали интереса. Во всяком случае, сейчас у них 6 тыс. членов и сторонников, а за последние две недели это число увеличилось еще на 3–5 тыс. человек, 90% из которых никогда прежде не занимались политикой.

— Всех желающих мы приглашаем на собеседование. Потом эти люди проходят месячную стажировку. Мы присматриваемся друг к другу. Обе стороны должны быть уверены, что хотят сотрудничать, — поясняет Мацей Конечный.

Программу составляли сами. Работают они профессионально, каждый является специалистом в какой-то области. Они сформировали рабочие группы, которые занимались конкретными разделами программы. Разумеется, учителя разрабатывали вопросы образования, экономисты — бюджет и проблемами экономики. Потом все вместе обсуждали получившуюся программу, голосовали за ее положения. Ведь, несмотря на то, что работали над ней специалисты в каждой конкретной области, принять ее следовало на демократических принципах.

Основные положения программы партии «Вместе» таковы: борьба за стабильные места работы; ликвидация краткосрочных договоров; увеличение размера минимальной заработной платы; принятие закона о 35-часовой рабочей неделе, запрет бесплатных стажировок, расширение прав Государственной инспекции труда, препятствие коммерциализации здравоохранения и его финансирование непосредственно из государственного бюджета; полное возмещение расходов на операции по искусственному оплодотворению; налог для «директоров» (75% от годового

дохода, если он превышает пол миллиона злотых); ограничение торговли в выходные и праздничные дни, увеличение суммы, свободной от налога; введение прогрессивного налога и отмена линейного налога для фирм; введение в школах уроков полового воспитания, признание равноправия семей независимо от пола партнеров; введение единого 480-дневного отпуска по уходу за ребенком, разделенного поровну между родителями; ограничение заработной платы депутатов до трехкратного размера минимального оклада. Впрочем, инициатив гораздо больше, это лишь часть проблем, которые они намерены решить.

Довольно радикальная программа. Не вполне реалистичная, как может показаться. М. Конечный с этим не согласен: «Нет, мне так не кажется. Центр экономического анализа признал, что из всех налоговых программ, представленных политическими партиями, баллотирующимися в парламентских выборах, доработаны только две — наша и программа партии «Современная».

Адриан Зандберг во время дебатов ответил также на несколько вопросов журналистов. В частности, он сказал, что по отношению к беженцам надо вести себя порядочно, и критически высказался в адрес политиков, пугающих поляков эмигрантами: «Часть политического класса в Польше решила сколотить капитал на запугивании беженцами... Это просто отвратительно», — высказался он.

Затем он говорил, что введение войск в другие страны, чтобы обеспечить там мир и порядок, «никоим образом не является решением проблемы». Чтобы предотвратить дестабилизацию на Ближнем Востоке, нужно бороться со всеобщим неравенством, несправедливостью, нищетой и грабительскими торговыми договорами между Европой и южными странами. Об отношениях государства и Церкви он сказал следующее: «В современном мире отделение государства от Церкви должно быть естественным. Нет причин, чтобы уроки религии финансировались из бюджета страны». Зандберг добавил, что государство не должно вмешиваться в религиозные практики, но и костелы не должны превращаться в политические субъекты. Когда журналист спросил Зандберга о возможных послевыборных коалициях, тот ответил, что поляки, скорее, предпочли бы услышать разговоры о том, почему миллионы людей работают по краткосрочным, крайне невыгодным для них договорам, почему нет жилищной политики или в чем причины демографического кризиса, чем дискутировать по поводу того, кто с кем будет вступать в политические альянсы. Некоторые зрители, сидя перед телевизорами, начали аплодировать.

Однако идеи молодых из партии «Вместе» нравятся не всем.

Рышард Хольцер, секретарь «Ньюсуик» в своем комментарии указывает на противоречия в программе, и даже обвиняет их в цинизме. Свой текст Хольцер заканчивает словами: «Я понимаю избирателей партии „Вместе”: выбор непростой. Но если уж вы хотите голосовать за циников, то голосуйте хотя бы за тех, у кого есть шанс победить Качинского. И еще один момент. Новопосвященным сторонникам Адриана Зандберга сообщаю, что до этого он был лидером левой группировки „Молодые социалисты”, которая несла такую дикуную чушь, по сравнению с которой сегодняшние обещания партии „Вместе” перекопать Балтийскую косу, чтобы трансатлантические суда могли заходить в Эльблонг, — всего лишь цветочки».

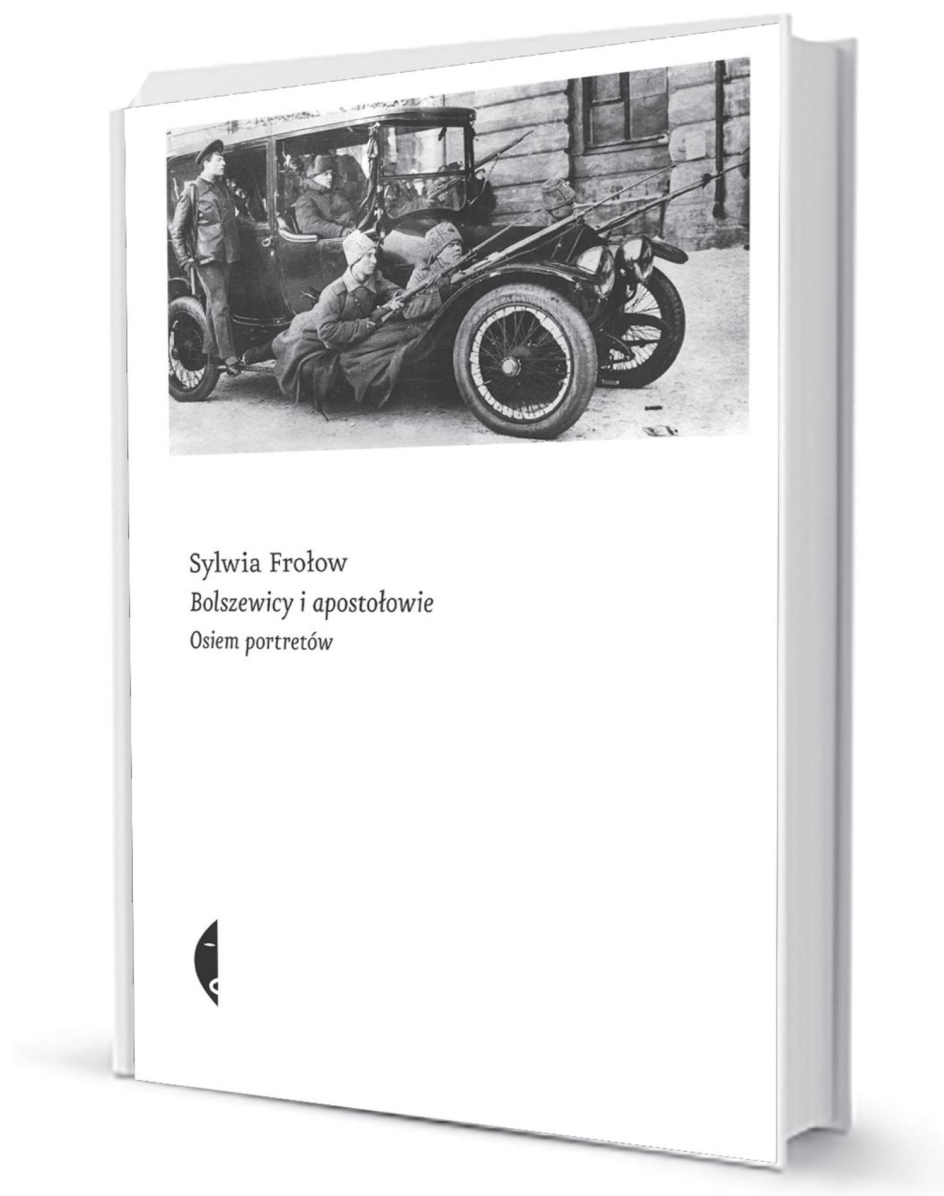
Влодзимеж Цимошевич на вопрос Моники Олейник о Зандберге на «Радио ЗЕТ» ответил: «Можно сказать, что на безрыбье и рак — рыба. Когда политики, мелькающие на первых полосах газет, регулярно появляющиеся на экранах телевизоров, не в состоянии сказать что-то разумное — и вдруг на их фоне появляется кто-то, кто говорит толково, то он сразу предстает в очень выгодном свете. Но я пока не вижу в этой партии большого потенциала. Зато вижу в ней много, пусть порой и симпатичного, но все-таки невежества, незнания того, как функционирует государство и экономика».

Может, это и так, но в людях из партии «Вместе» есть значительный потенциал и, конечно, вера в смысл того, что они делают. За деньги, которые они получают от государства, они хотят помогать людям, включать их в демократическую политику: будут организовать мастер-классы, устраивать открытые дискуссии, вести широкую просветительскую деятельность.

Как бы там ни было, «Вместе» — это все же нечто новое на политической арене Польши.

Эугениуш Соболь

Революционные идеалисты

После весьма удачной и благосклонно принятой критикой биографии «железного Феликса» («Дзержинский. Любовь и революция». Краков, издательство «Знак», 2014) Сильвия Фролов опубликовала следующую книгу — «Большевики и апостолы. Восемь портретов», в которой развивает свой неповторимый стиль литературной биографии, сосредоточившись, прежде всего, на интимной жизни героев. Следует подчеркнуть, что книги Сильвии Фролов, с их легким привкусом сенсационности, — это очень приятное чтение.

Автор умеет безошибочно составить полный психологический портрет описываемых персонажей, в котором выделяет определенный доминирующий мотив, чаще всего определяемый диссонансом ценностей. Существенной чертой данной книги представляется также многомерность и двойственной героев, балансирующих на грани исторических времен — России до и после революции. Кроме того, чтобы рассмотреть живого человека, Сильвии Фролов пришлось продираться сквозь толщу стереотипных напластований, поскольку в Польше все еще распространено представление о вождях революции как о красных палачах (в общем-то, небезосновательное), являющееся, несомненно, пропагандистским наследием времен польско-большевистской войны. С другой стороны, автору пришлось преодолевать идеализированный образ тех же персонажей, насаждавшийся во времена ПНР.

В случае, например, Максима Горького (посвященный ему очерк занимает едва ли не половину книги) эта двойственность выражается во внутреннем разрыве между порядочностью и жаждой славы. Еще во время пребывания на Капри он привык к роскоши, а также не отказывал себе в многочисленных амурных похождениях. Писательница представляет нам женщин Горького — Марию Андрееву, Екатерину Пешкову, Варвару Тихонову, Марию Закревскую (Муру), Надежду Введенскую (Тимошку) — и прослеживает их судьбы. Рассматривая отношение Горького к большевистской власти, Сильвия Фролов подчеркивает, что в первые годы после революции писатель руководствовался, главным образом, голосом совести. Так, он указывал на непредсказуемые последствия революционного насилия, помогал живущим в бедности литераторам и голодающим крестьянам. Однако в 20-е годы XX века, во время пребывания в Европе, в отношениях Горького с большевистской властью происходит принципиальная перемена. Потом писатель возвращается в Россию, чтобы своим именем скрепить ложь о «гуманных» условиях, царящих в сталинских трудовых лагерях. Сильвия Фролов определяет факторы, которые повлияли на столь неожиданную метаморфозу: нарастающее чувство одиночества в эмиграции, усиливающееся под воздействием придерживающихся большевистских взглядов соотечественников, меркнущая слава на Западе, тщеславие, а вдобавок прагматизм окружающих Горького женщин, которые полагали, что ширящийся в России культ писателя гарантирует им материальное благосостояние. Впрочем, в произведениях Горького, написанных еще до революции, присутствует, как отмечает автор, концепция «возвышающего обмана», который в состоянии обеспечить счастье.

О Ленине написано много книг, однако Сильвии Фролов удалось обогатить представление о вожде революции. Хотя он и не относился к типу соблазнителя и эротомана, как, например, Горький, однако «женский элемент» играл в его жизни важную роль. Проиллюстрируем это интересной цитатой из книги: «В этом бабьем окружении, среди груд дамских платьев, юбок, кружев, подушек и одеял, женских запахов, предменструальных состояний, ссор из-за приготовленных блюд и соперничества за его благосклонность, вынашивал диктатор свои мечтания о новом прекрасном мире, считая, что все очень просто». Воспользовавшись этим примером, можно попробовать определить главные черты биографического стиля Сильвии Фролов. Это отнюдь не научная и даже не научно-популярная книга, а биография с элементами литературного вымысла. Вместо интерпретации исторических документов или иных источников, автор включает воображение, за свободной игрой которого можно наблюдать в приведенном фрагменте. Открытым остается вопрос, какой метод в большей мере отвечает вкусам читателя? Лидерские качества выработались у Ленина не только в ходе соперничества со старшим братом Александром Ульяновым, повешенным в 1887 году за участие в неудавшемся покушении на царя Александра III. Не менее существенным для формирования личности будущего диктатора было стремление занять в своем женском окружении позицию доминирующего самца, пишет Сильвия Фролов. В разделе, посвященном братьям Ульяновым, автор прибегает даже к нарративу альтернативной истории, рассуждая, как могли сложиться судьбы России, если бы царь помиловал брата Ленина.

В названиях глав книги автор часто прибегает к библейским аллюзиям, а в предисловии обращается к мысли Достоевского, который писал, что главная проблема современной ему русской духовности — это разрыв между религиозностью и атеизмом. Именно революция стала новой религией, которая вдобавок подпитывалась любовной страстью.

Остальных своих героев Сильвия Фролов изображает сквозь призму парадоксальности их судеб, прослеживая взлеты, завершившиеся болезненными падениями, описывая их увлеченность революцией, закончившуюся разочарованием. В главе «Большевистский царь Мидас» автор обращается к жизни Александра Парвуса — революционера, который на финансировании партии Ленина сколотил изрядное состояние. Какое-то время он считал себя могущественнейшим человеком Европы, умирал, однако, в забвении и одиночестве, поскольку Ленин отвернулся от него из-за сотрудничества с Германией. Биография последнего русского царя Николая II вписана автором книги в притчу об Иове. Анализируя дневники царя,

Сильвия Фролов приходит к выводу, что это был совершенно инфантильный человек. Его слепая вера в Божью волю и богоданность монаршей власти оказывались в разительном противоречии с грузом ответственности, которую возложил на его плечи жестокий и бурный XX век. Театрально и гротескно представлен знаменитый террорист Борис Савинков. Несмотря на свой многолетний опыт конспиратора, он поддался на большевистскую провокацию, то есть операцию «Трест», и погиб на Лубянке. — Разделы, посвященные Марии Спиридоновой и Александре Коллонтай, писательница озаглавила «Святая террористка» и «Апостолесса любви». Первая из них — революционер, руководитель левого крыла эсеров, ставшая символом революционной борьбы с царизмом, также погибла в социалистическом государстве: НКВД расстреляло ее в сентябре 1941 года. Второй очерк — это необычайно захватывающий рассказ о бытовых переменах в большевистской России, инициированных Коллонтай. Однако сексуальная свобода первых лет революции вскоре завершилась насаждением пуританства, а сама Коллонтай к концу жизни разочаровалась в революционной идеологии. Книга Сильвии Фролов представляет собой весьма интересный пример биографий, написанных с позиций феминизма. Несомненным достоинством этой книги является стремление автора отдать должное незаслуженно забытым женщинам.

Sylvia Frołow, *Bolszewicy i apostołowie. Osiem portretów*. Wołowiec, Wydawnictwo Czarne, 2014 (на польск. яз.)

Славомир Дембский

Российский памятник Катыни

Книга «Убиты в Катыни» представляет собой интеллектуальный памятник, который российские исследователи и активисты воздвигли в память о жертвах катынского преступления.

Стараниями общества «Мемориал» в России вышла книга «Убиты в Катыни» под редакцией Александра Гурьянова, российского историка, многие годы связанного с «Мемориалом» и имеющего огромные заслуги в области

исследований катынского преступления и сохранении памяти о нем.

Публикация содержит 4 415 биографических справок польских военнопленных, расстрелянных в Катыни весной 1940 года. Благодаря использованию ранее неизвестных документов НКВД, авторы внесли семь новых фамилий в список убитых из лагеря в Козельске. Они также сопоставили немецкие эксгумационные списки со смертными списками НКВД от апреля и мая 1940 года, то есть с поименными перечнями приговоренных к расстрелу. Таким образом удалось доказать, что 2 733 человека, тела которых немцы эксгумировали весной 1943 г., находились в смертных списках НКВД от 1940 года. Важным также было подтверждение того, что в катынских могилах оказался 41 человек, не фигурировавший в известных до сих пор списках НКВД. В будущем историкам придется предпринять попытку установить, почему они оказались в немецких эксгумационных списках, но многое указывает на то, что советский бардак вписал мрачную главу и в историю этого преступления. Видимо, также нужно будет выяснить, кто из пленных уцелел вследствие счастливой случайности, а кто по решению советских властей.

Каждая биографическая справка содержит перечень архивных материалов НКВД, личных документов, писем от родных, определяющих временные рамки, в которых данный человек находился в Козельске, а затем попал в Катынь. Так что, работа Гурьянова и его коллег представляет собой значительное научное достижение, существенно дополняющее знания о катынском преступлении и указывающее новые направления дальнейших исследований.

В Польше есть много подобных публикаций. Центр «Карта»^[1] публиковал «Письма репрессированных», а Совет охраны памяти борьбы и мученичества^[2] — «Кладбищенские книги», посвященные катынским захоронениям в России и на Украине. Каждый из этих трудов — дань памяти жертвам катынского преступления, а также триумф над ложью об этом злодеянии, в течение 46 лет бывшей институциональным проявлением зависимости Польши от СССР.

Катынская библиография насчитывает сегодня около 10 тысяч позиций, но последнее издание «Мемориала» имеет исключительное значение. Авторы решили ознакомить российских читателей с биографиями героев, которые по приказу Сталина и его приспешников были расстреляны в Катыни. Тем самым «Мемориал» напоминает, что

преступления массового характера всегда складываются из индивидуальных трагедий жертв и их близких. Многие, слишком многие в России не хотят об этом помнить. Правда, российское государство признает, что 22 тысячи польских граждан были расстреляны по приказу высших властей СССР, но прокуроры Главной военной прокуратуры, а также российские суды отказывают признать жертвами катынского преступления конкретных людей. На заявления их близких и «Мемориала» Главная военная прокуратура отвечает отказом начать процесс реабилитации, предусмотренный законом о реабилитации жертв политических репрессий. Более того, прокуратура и суды в обоснованиях решений утверждают, что якобы не сохранилось документов, делающих возможным индивидуальное подтверждение факта расстрела данного офицера, а также доказательств, что убийство совершено по политическим причинам. Поэтому так важно, что группа российских праведников без колебаний бросила вызов уловкам органов юстиции и выступила в защиту истины.

Для этих смелых людей речь идет, прежде всего, о России и российском обществе. В одном из интервью Гурьянов говорил: «Катынское дело — это, прежде всего, внутренняя проблема России, а уже во вторую очередь проблема российско-польских отношений. Нам нужно разобраться с катынским преступлением, главным образом, для нас самих. Это, конечно, улучшило бы отношения с Польшей, но катынское дело — это одно из сталинских преступлений, а мы должны подвести черту под всей коммунистической эпохой».

Подведение черты под катынским преступлением для «Мемориала» — это условие для создания нового общества, способного строить справедливое, честное, правовое государство, в котором соблюдаются права человека. Жертвами эксперимента преступной социальной инженерии были в первую очередь граждане СССР — у каждого россиянина в семье есть жертвы преследований и репрессий системы, которая не щадила ни убежденных коммунистов, ни функционеров репрессивного аппарата. Однако в России предпринимается мало действий для того, чтобы выяснить правду о преступлениях и почтить память своих близких. Отдельные личности часто теряются в магии больших чисел, так как легче принять общую правду о миллионах жертв, чем смириться с сознанием, что волны массового террора — это истории отдельных человеческих трагедий. В России нередко можно услышать, что «таких Катыней, как ваша, у нас были тысячи». Публикуя катынскую книгу смерти, «Мемориал» говорит соотечественникам, что было бы хорошо, если бы

каждая российская Катынь дождалась такого же исследования. Такого же символического памятника памяти.

Публикация важна для взаимоотношений поляков и россиян. Она показывает, что правда о преступлении, раскрытая, описанная, обсуждаемая, формирует прочный фундамент для построения дружественных отношений. Арсения Рогинского, Александра Гурьянова, Никиту Петрова из «Мемориала», Наталью Лебедеву, Инессу Яжборовскую, прокурора Александра Третецкого и многих, многих других российских исследователей, а также государственных служащих в Польше считают друзьями и хранителями памяти о катынском злодеянии. Думая о России и россиянах, нужно всегда помнить об этих наших российских героях катынской истории и быть им благодарными за усилия, труд и смелость, о которой когда-нибудь с гордостью будет говорить демократическая Россия.

Славомир Дембский — кандидат исторических наук, директор Центра польско-российского диалога и согласия.

-
1. Центр «Карта» — польская неправительственная организация, поставившая целью документирование новейшей истории Польши и Центрально-Восточной Европы, а также распространение знаний о ней — Здесь и далее прим. пер.
 2. Совет охраны памяти борьбы и мученичества — польская государственная организация, занимающаяся увековечиванием памяти об исторических событиях, олицетворяющих «борьбу и мученичество польского народа».

Эугениуш Собољ

Польский номер «Вестника Европы»

У российского журнала «Вестник Европы» долгая и славная традиция. Он был основан Николаем Карамзиным в 1802 г. и выходил с перерывами вплоть до 1918 г. Это издание представляло собой значимый печатный орган либеральной интеллигенции, имевшей европоцентристскую ориентацию, и в России с ним считались. В 2001 г. Егор Гайдар вместе с

коллегами решили возобновить деятельность указанного издания, которое теперь выпускается фондом, носящим его имя. Выход тематического номера «Польша. 25 лет свободы — эпоха перемен» был для данного журнала чем-то вполне естественным, потому что Польша воспринимается в России как страна, которая добилась успеха в результате трансформации общественного строя. Гайдар был очарован Польшей, его даже называли «российским Бальцеровичем». Польские авторы большинства статей, вошедших в обсуждаемый номер, не скрывают своего энтузиазма и оптимизма, утверждая, что в настоящий момент Польша переживает самый лучший период своей истории. В этом можно усмотреть стремление показать себя соседям исключительно с лучшей стороны, создать позитивный «экспортный» образ собственной страны. Однако такой подход значительно обеднил бы «польский» номер «Вестника Европы», поскольку на его страницах мы встречаем также довольно много критических голосов. Затрагивая трудные и болезненные вопросы, польские авторы показали себя как люди, лишенные комплексов, а также открытые для диалога и взаимопонимания. Именно поэтому чтение указанного журнального номера по-настоящему захватывает.

Анджей Вайда является в России культовой фигурой, и отнюдь не случайно беседа с этим мэтром польского кино стала в данном номере одним из первых текстов. Ведущим мотивом интервью стала оригинальная концепция искусства компромисса, который Вайда применяет не только в собственной жизни, но и при интерпретации польской действительности. В период Польской Народной Республики (ПНР) этот выдающийся мастер был вынужден подчиняться требованиям цензуры, но тем не менее ему все-таки удавалось сохранять основополагающую идею своих фильмов. Беседовавший с польским режиссером главный редактор «Вестника Европы» Виктор Ярошенко не мог не задать вопрос по поводу обстоятельств возникновения последнего фильма мастера «Валенса. Человек из железа». Хотя в окружении лидера «Солидарности» присутствовало немало лиц, призывающих к радикальным действиям, заслуга последнего заключалась именно в сохранении «золотой середины», а также в том, что удалось избежать кровопролития. Это был человек, попавший в свое время и на свое место, политик с воображением артиста, — подчеркнул Вайда. Среди текстов, посвященных кинематографу, мы найдем также беседу с Кшиштофом Занусси и рецензию на фильм Павла Павликовского «Ида», написанную Натальей Исаевой. Анализируя эту награжденную «Оскаром» ленту, автор

рассматривает ее на фоне других польских экранизаций и театральных постановок, затрагивающих тему Холокоста, и отмечает, что данная картина разрушает все стереотипы, связанные со Второй мировой войной. Убийцей оказывается не только голубоглазый юноша в офицерском мундире, но и грузноватый польский крестьянин с лопатой в руке, убивающий своих соседей-евреев.

Листая этот номер «Вестника Европы», имеет смысл обратить внимание на тексты Лешека Бальцеровича «Как это было. Стабилизация и реформы в Польше в чрезвычайных и нормальных политических условиях», «От чего зависит долгосрочный рост», а также на интервью с этим бывшим польским министром финансов. Бальцерович и Гайдар в равной мере задавали направление хозяйственно-экономических реформ, соответственно, в Польше и России. Стоит также упомянуть, что польский экономист получил в 2013 г. премию Фонда Егора Гайдара, вручаемую за выдающийся вклад в развитие международных гуманитарных связей с Россией. В своих текстах Бальцерович весьма детально представил увенчавшийся успехом польский путь трансформации от социалистической экономики к свободному рынку. Думается, что в ситуации, когда в России многие из реформ остановлены, перечисленные статьи и высказывания могут выполнять роль путеводного маяка. Бальцерович описал, как в 90-е складывались его контакты с российским руководством, и рассказал, что главной причиной неудачи реформ по либерализации экономики в России он считает отсутствие общественного консенсуса, а также недостаточную поддержку со стороны западных финансовых институтов. Польский экономист упомянул, кроме того, о таких негативных последствиях реформ, как социальное расслоение общества и безработица.

Этот номер «Вестника Европы» вышел в свет перед польскими парламентскими выборами 2015 г. В некоторых текстах выражаются опасения (уже частично сбывшиеся), связанные с приходом к власти популистов. Эта тема затрагивается, к примеру, в беседе с главным редактором «Газеты выборчей» Адамом Михником и в статье переводчика, эссеиста и литературного критика, главы польского ПЕН-клуба Адама Поморского. О том, что существуют «две Польши», первая из которых представляет собой «просвещенную» и образованную страну людей успеха, тогда как вторую составляют слои, вышвырнутые в результате реформ за борт благосостояния, мы можем прочитать в очень интересных текстах одного из основателей и ведущих идеологов «Солидарности» Кароля

Модзелевского. Это фрагменты его автобиографической книги «Клячу истории загоним. Признания заезженного седока»^[1], за которую он получил в 2015 г. одну из главных польских литературных премий — «Нике». Там бывший оппозиционер в пух и прах разбивает миф «Солидарности», обращая особое внимание на исторический парадокс, заключающийся в том, что идеалы общественной справедливости, к которым стремилось это рабочее движение, были использованы для проведения весьма радикальных реформ неолиберального характера, которые фактически противоречили интересам тех же рабочих. Только за период 1990–2005 гг. было ликвидировано почти пять миллионов рабочих мест. Автор книги считает, что вместо шоковой терапии следовало прибегнуть к методу медленной эволюции в направлении свободного рынка.

В исторической части стоит прежде всего обратить внимание на текст профессора Александра Липатова, посвященный восприятию Польши в России с древнейших времен до наших дней. Образ поляка почти всегда характеризовался раздвоенностью, диапазон которой колебался от восприятия в категориях внешнего или внутреннего врага до восхищенного увлечения его культурой. А вот текст Натальи Лебедевой «Катынь» являет собой чрезвычайно обстоятельное, основанное на архивных материалах расследование этого чудовищного сталинского преступления. В свою очередь, статья «Польша и евреи» Павла Спивака, директора Еврейского исторического института им. Эммануэля Рингельблюма, поднимает болезненную проблему антисемитизма в Польше. Поляки все-таки стараются как-то справиться с этой травмой, о чем свидетельствует открытие в 2015 г. Музея истории польских евреев, описание деятельности которого мы также находим в «Вестнике...». Обсуждаемый номер приносит, помимо того, много полезных и любопытных для русского читателя сведений. Здесь можно, например, прочитать о музее Варшавского восстания, Польско-российском центре диалога и примирения, Российском центре науки и культуры в Варшаве или же о программе «Эразмус +», способствующей международному студенческому обмену.

Несмотря на неблагоприятную политическую конъюнктуру, польско-российские контакты в сфере литературы продолжают интенсивно развиваться. Евгений Рашковский, российский востоковед и переводчик, представил на журнальных полосах рассматриваемого номера цикл «"Перстень изумрудный..."^[2]: страницы польской поэзии XIV – XX веков», в котором представлены переводы классических авторов

и стихотворений. Совсем иную подборку предложил читателю Игорь Белов. Его коллекция озаглавлена «Пять польских поэтов». Это переводы стихов Станислава Баранчака, Богдана Задуры, Петра Мицнера, Мартина Светлицкого и Януша Джевуцкого. Очень богат раздел «Литература», содержащий прозу, эссе, очерки и репортажи. Читатель имеет возможность познакомиться с переведенными на русский язык фрагментами произведений Анджея Стасюка, Сильвии Хутник, Юстыны Баргельской, а также Игнация Карповича. Но наибольший интерес вызывает чтение текстов нон-фикшн. В их числе — репортаж Эльжбеты Яницкой «Festung Warschau»^[3], рассказывающий о ведущейся в польской столице борьбе за доминирование в символическом пространстве, иначе говоря, за памятники, топонимические названия и мемориальные доски. Назовем здесь также автобиографический текст «Наша маленькая ПНР» авторства Витольда Шабловского и Изабелы Мейзы, где реалии жизни в коммунистическом государстве обрисованы с иронией и сарказмом.

На мой взгляд «польский» номер «Вестника Европы» оказался весьма удачной и нужной инициативой. Есть смысл подчеркнуть, что почти половину авторов данного номера составляют россияне, и это еще раз подтверждает, что в России люди по-прежнему живо интересуются Польшей. Редколлегия журнала добросовестно справилась со своими обязанностями. Ее члены предприняли несколько аналитических поездок в соседнюю страну, благодаря которым смогли выработать собственный оригинальный взгляд на польскую действительность.

«Вестник Европы». Журнал европейской культуры. «Польша. 25 лет перемен», тома XLII–XLIII. 2015 год.

-
1. Книга вышла недавно в русском переводе О. Лободзинской (М.: Художественная литература, 2015) — *Здесь и далее примеч. перев.*
 2. Отсылка к строке Константы Ильдефонса Галчинского «Так надень свой перстень изумрудный...».
 3. Крепость Варшава (нем.)

Станислав Мария Салинский

Варшавский long-play

(фрагмент)

Слева направо: Влодзимеж Слободник, Мария Веппо-Салинская, Станислав Мария Салинский, Константы Ильдефонс Галчинский. Варшава, 1926.

Несколько лет тому назад в «Новой Польше» (2010, № 10) мы опубликовали фрагмент воспоминаний Станислава Марии Салинского о поэтических встречах группы «Квадрига» в Варшаве в двадцатые годы XX века. Их автор, впоследствии известный польский прозаик, дебютировал на русском языке во Владивостоке, где учился сначала в мореходном училище, потом в Дальневосточном университете. В Варшаву он добрался в 1921 году через Триест. В свои первые годы в Польше С.М. Салинский участвовал во встречах русской группы «Таверна поэтов», действовавшей в Варшаве под руководством выдающегося литературоведа Альфреда Бема. Документация, касающаяся «Таверны», очень скудна, тем большее значение имеют эти несколько страничек из воспоминаний Салинского.

П.М.

Варшавский long-play

Этот клуб назывался «Таверна поэтов», собирались, в

основном, в номере отеля «Саксонский» на ул. Козьей, у художника и графика Бориса Цинзерлинга. На одном из этих собраний Владимир Бранд, бывший поручик царской армии, читал свои стихи. Я запомнил из них четверостишие:

...В этот душный, в этот пьяный вечер
пьем стаканы синего огня,
за того, чей жребий не намечен,
за людей без завтрашнего дня...

[В Варшаве] существовал православный приход, «Русский дом» (на углу улиц Маршалковской и Скорупки), выходили русские газеты («Меч», «Свобода», «За свободу»), на Краковском предместье при пересечении с ул. Мёдовой был большой русский книжный магазин «Добро». Русские вливались в нашу культурную жизнь, существовала упомянутая уже «Таверна поэтов», которая постепенно превращалась в поэтическую польско-русскую таверну. Ее частыми гостями в 1924-1926 годах были: я, Константы Ильдефонс Галчинский, Влодзимеж Слободник, Ежи Либерт, Леонард Подгорский-Околув, Вацлав Денхоф-Чарноцкий; помню появление на одном из поэтических вечеров Юлиана Тувима и Феликса Пшисецкого. Гостями «Таверны» бывали выдающиеся русские поэты и писатели, эмигранты, приезжавшие в гости в Варшаву из Берлина, Парижа и Праги, как например Константин Бальмонт, Игорь Северянин. В Варшаве жили Николай Брешко-Брешковский, Михаил Арцыбашев (автор очень нашумевшего в свое время в России романа «Санин»). В 1925 или 1926 году в Польше гастролировал известный русский певец Александр Вертинский, идол женщин, мировая знаменитость. Гостя в «Таверне», он познакомился со студенткой юридического факультета, варшавянкой Ирусей, золотоволосой музой кого-то из молодых польских поэтов, которую тот привел в «Таверну» на поэтический симпозиум с Вертинским. Идол женщин, изысканный, зрелый маэстро, сел за фортепиано (это происходило в квартире Дмитрия Философова, главного редактора «За свободу», на ул. Маршалковской близ Площади Спасителя) и сходу симпровизировал, кажется, одну из самых красивых своих песен. Помню ее мелодичный рефрен: «Я вам сердце с эстрады, как мячик, бросаю. Ну, ловите, принцесса Ирен...». Эта варшавская импровизация Вертинского, исполненная им на следующий день на концерте в зале на ул. Каровой, произвела невероятный фурор. А Ируся? О, Ируся, наша прелестная ветреная муза — если она еще жива — наверняка помнит и то собрание «Таверны», и великого певца у фортепиано, и тот концерт на Каровой. Наверняка еще помнит...

S.M. Saliński, *Long-play warszawski*, Warszawa 1996, s. 40, 45-46.
Первое издание: 1966.

Другой Интернационал

В Париже меня и моих друзей задержало военное положение, но довольно скоро мы обжились и устроились среди тамошних эмигрантов-россиян. Бывшие советские диссиденты очень тепло принимали поляков, принадлежавших к кругу «Солидарности». Постепенно мы познакомились с поэтом Вадимом Делоне, его прелестной женой Ириной Белогородской, подружились с деятельной, кипучей Наташей Горбаневской и принципиальным Владимиром Максимовым. А еще время от времени подживали с друзьями в маленьком русском дворце под Парижем (он назывался Шато дю Мулен де Санлис), помогая Александру Глезеру приводить в порядок вывезенную им из России коллекцию работ художников-нонконформистов. Александр Гинзбург с женой Ариной организовал там Русский культурный центр. Самому ему лишь немногим раньше вернули свободу, когда Москва прямоком из лагеря обменяла его на двух советских агентов, приговоренных в Америке за шпионаж к тюремному заключению.

Некоторые из нас сотрудничали с еженедельником «Русская мысль», который часть россиян с язвительной насмешливостью именovala «Польская мысль», — это вызывалось последовательной редакционной политикой Ирины Иловой-Альберти, влюбленной в романтический порыв польской «Солидарности». Я переводил книги Владимира Буковского и имел счастье часто контактировать с автором, легендой российских диссидентов. Еще я знакомился с интересными людьми, когда те появлялись в офисе радиостанции «Свободная Европа» на авеню Рапп, в частности, с писателем Виктором Некрасовым или художником Михаилом Шемякиным. Я хорошо себя чувствовал среди таких русских, для многих из которых временное пребывание на берегах Сены началось еще в 1917 году...

В Париже я представлял «Борющуюся "Солидарность"»^[1], а также оказался единственным представителем Польши в момент возникновения «Интернационала сопротивления» — антикоммунистической организации, которая действовала в 1983–1988 гг. Она возникла на волне так называемой «доктрины Рейгана», который в последнем десятилетии холодной войны эффективно затормозил стремительный натиск глобальной и идеологизированной советской

экспансии. Америка тогда открыто содействовала разным антикоммунистическим группировкам и движениям, отправляя оружие и снаряжение афганским моджахедам и никарагуанским контрам, а копировальную технику и запрещенные книги — в Центральную и Восточную Европу, прежде всего в Польшу.

План по объединению усилий антикоммунистических беженцев из стран, которые находились в советской зоне влияния, пришелся на удачное время. Это было заслугой Володи Буковского. С его мнением считались — он давал советы британскому премьер-министру Маргарет Тэтчер, встречался с окружением Рональда Рейгана... Уже много лет на Западе рассуждали о необходимости каким-то образом подкрепить действия оппозиционеров, выступающих против гегемонии Кремля, и поэтому, когда Буковский выдвинул антикоммунистическую платформу, — всё это дело сдвинулось с мертвой точки.

Весной 1983 г. возник организационный комитет «Интернационала сопротивления», и я присутствовал при его первых действиях. Сразу же после этого был образован почетный Комитет поддержки, куда вошло около сотни пользовавшихся авторитетом западных интеллектуалов, которые выразили желание оказать помощь этому «антикоммунистическому крестовому походу». В их числе фигурировали Раймон Арон, Фернандо Аррабаль, Ален Безансон, Энцо Беттица, Симона Вейль, Симон Визенталь, Андре Глюксман, Милован Джилас, Эжен Ионеско, Роберт Конквест, Бернар-Анри Леви, Жан-Франсуа Ревель, Хорхе Семпрун, Пьер Эммануэль и многие другие, в частности, Николас Бетелл, Корнелия Герстенмайер, Мстислав Ростропович или Уинстон Черчилль-мл. А я пригласил участвовать в Комитете поддержки Юзефа Чапского^[2].

В мае 1983 г. у нас уже имелся костяк организации, объединяющий представителей 21-й страны, в которых господствовал коммунизм или которые были им оккупированы. 16 мая в парижском отеле «Лютеция» состоялась инаугурационная пресс-конференция, в ходе которой прошла презентация «Интернационала сопротивления», который должен был координировать начинания политических беженцев и движений сопротивления. В его руководстве доминировала целая плеяда бывших российских диссидентов, составлявших окружение эмигрантского журнала «Континент». Это обстоятельство выдвигалось порою в качестве упрека или даже обвинения.

Spiritus movens (движущим духом – лат.) Интернационала был Владимир Буковский, второй скрипкой — кубинский поэт Армандо Вальядарес, годом ранее по личной просьбе французского президента Миттерана выпущенный из тюрьмы после 22 лет заключения. Именно судьба Вальядареса вдохновляла Яцека Качмарского, когда тот в 1982 г. сочинял песню «Письма».

В первый период деятельности Интернационала исполнительным директором в нем был Владимир Максимов, спустя некоторое время его заменил Эдуард Кузнецов, известный русско-еврейский диссидент^[3]. Секретарем стал Арман Малумян, француз с армянскими корнями, который провел восемь лет в сталинском лагере.

«Интернационал сопротивления» должен был стать трибуной для оппозиции из коммунистических стран — трибуной, в которой та очень нуждалась. Польша как раз в меньшей степени, поскольку она в период военного положения имела очень мощный пиар, связанный с деятельностью «Солидарности». Я думал тогда — и сегодня продолжаю считать свои мысли правильными, — что на нас как поляках лежит обязанность делиться этой популярностью, экспортировать «проект "Солидарность"», а также разъяснять Западу, что и партизанская война Жонаша Савимби против советского колониализма в Анголе, и стычки Ахмада Шах Масуда с советскими военными в афганской долине Панджшир, и акции чехословацких диссидентов, объединившихся под знаком Хартии 77, — всё это элементы единой мозаики. Разные формы сопротивления перед лицом одного и того же противника: тоталитарной экспансии Москвы.

Польша и «Солидарность» присутствовали на тот момент в заголовках всех газет, Запад внимательно следил за событиями в Варшаве, где как раз приговорили к тюремным срокам организаторов подпольного «Радио "Солидарность"», готовился судебный процесс над брошенными за решетку деятелями Комитета защиты рабочих и Общенациональной комиссии «Солидарности», какие-то «неизвестные злоумышленники» напали на пункт помощи интернированным, размещавшийся при костеле Святого Мартина в Варшаве, а в одном из ее полицейских участков до смерти забили 19-летнего поэта Гжегожа Пшемька.

В то же самое время на Кубе арестовали несколько десятков деятелей свободных профсоюзов, создававшихся по образцу

«Солидарности». 25 января 1983 г. семнадцать человек были приговорены к тюремному заключению на сроки от 3 до 20 лет, а пятеро профсоюзных лидеров: Эзекуэль Диас Родригес, Хосе Луис Диас Ромеро, Карлос Гарсиа Диас, Бенито Гарсиа Оливера и Донато Мартинес Гарсиа — услышали приговоры к смертной казни. Мировая пресса по неизвестным причинам об этом деле молчала.

Я пробовал втянуть в их защиту представителей «Солидарности». Седовласый редактор парижской «Культуры» Ежи Гедройц энергично поддержал смысл таких действий, но тогдашний ведущий выразитель взглядов польской оппозиции — по прошествии стольких лет фамилии несущественны — аргументировал, что он защищает друзей, брошенных в тюрьму на Раковецкой^[4]! Как если бы эти соображения противоречили одно другому... Немногое дал и визит в Брюссель, в координационный совет «Солидарности» за рубежом. Там выслушали отчет об учреждении «Интернационала сопротивления», но к предложению о более тесном сотрудничестве с ним отнеслись сдержанно.

Тем более необходимо воздать должное людям, которые вели себя должным образом, — о своем участии заявили Яцек Качмарский, а также издатель и кинопродюсер Мирек Хоецкий.

Таким образом, вовсе не «Солидарность», а «Интернационал сопротивления» взялся защищать преследуемых, а непосредственно после этого Amnesty International опубликовала заявления, осуждающие кубинский судебный процесс. И тут случилось чудо. Спустя несколько дней в Гаване на апелляционном разбирательстве смертные приговоры заменили на тридцать лет тюрьмы. После чего власти арестовали и адвокатов обвиняемых, и судью, оспаривавшего приговор первой инстанции...

«Сегодня от деятельности "Интернационала сопротивления" остались лишь немногочисленные следы», — пишет московско-парижская журналистка Галина Аккерман, вспоминая об интересных починах нашего скромного учреждения, которое располагалось по престижному адресу: авеню Елисейские поля, 102. Напомню о некоторых из них.

Напротив нас, по другую сторону самой прославленной авеню в мире, находились офисные помещения «Аэрофлота». Это было прекрасное место для того, чтобы провести там впечатляющую и наделавшую много шума демонстрацию

после того, как в первые дни сентября 1983 г. советские истребители сбили над территорией СССР корейский пассажирский самолет «Боинг», уничтожив всех, кто находился на борту, — в общей сложности 269 человек.

Мы выступали инициаторами международных конференций на такие темы, о которых другие деликатно умалчивали, например, форума «Soviet active measures», посвященного советской стратегии дезинформации и манипулирования, в частности, тому, каким образом Москва управляет общемировыми движениями в защиту мира.

В 1986 г. мы обратились в Женеве к такой теме, как права человека и несоблюдение Хельсинкских соглашений просоветскими странами. Соответствующая конференция имела место по случаю первой за шесть лет встречи СССР-США на высшем уровне. Состоялся также концерт афганских бардов свободы, участие в котором принял также польский «певец «Солидарности» Яцек Качмарский. Я же проводил тогда в Женеве презентацию привезенной из Вроцлава выставки фотографий независимого агентства «Dementi» (Опровержение»), относящихся к периоду военного положения (главным ее автором был Томаш Кизны). На пресс-конференции, тоже проходившей в Женеве, мы предоставили слово советским дезертирам, которых в сотрудничестве с моджахедами перебросили контрабандным способом из Афганистана.

«Интернационал сопротивления» должен был координировать деятельность антикоммунистических движений из различных социалистических стран и стран третьего мира. Вспоминает Владимир Буковский: «В тот момент мы отдавали себе отчет в том, что советские коммунисты уже на лопатках. Знали, что они проигрывают сражение, что у них нет достаточных средств для обслуживания всех этих клиентских государств из третьего мира. Марионеточные режимы рушились один за другим — в Анголе, Эфиопии, Центральной Америке, Афганистане. В сотрудничестве с американцами мы приняли соответствующую стратегию: коль скоро Советы с умыслом и размахом бросают такие огромные средства на поддержание своей всемирной экспансии, то нужно сделать ее еще более дорогостоящей. Ведь чем больше денег они будут бессмысленно тратить на эту экспансию, тем скорее обанкротятся. А тогда им волей-неволей придется дать согласие на вынужденные изменения. И произойдет то, что потом стало называться гласностью и перестройкой. Таков был смысл доктрины Рейгана».

В итоге мы организовали в Афганистане радиостанцию «Свободный Кабул» — около 25 переносных передатчиков, покрывающих радиосигналом всю страну. А сразу же после этого — массовую контрабандную переброску портативных радиоприемников в разбросанные по всей стране деревни, а также их доставку старейшинам местных племен. Кроме того, мы помогали создавать там сеть внутренней связи, которая вдобавок являлась еще и временной системой радиовещания. Из пакистанского Пешавара мы снабжали ее аудиокассетами с записями выступлений основных руководителей афганского движения сопротивления.

Еще одной акцией в Афганистане была эвакуация советских дезертиров на Запад. Это была головоломная операция, которая в итоге принесла свободу шестнадцати беженцам и предоставила им пристанище... Они могли собственными словами дать свидетельство того, что вытворяли советские военные в оккупированной стране.

Потом надо упомянуть и Анголу, где размещались уже не советские войска, а кубинские. Мы разыскивали кубинских беженцев и запускали с их помощью мобильные агитационные группы, которые подготавливали специальные радиопрограммы, нацеленные на кубинские экспедиционные войска, а также печатали листовки...

Интернационал функционировал, кроме того, в Европе, где сумел, в частности, мобилизовать западные демократии на участие в спасении так называемых людей из лодок (*boat people*), которые в то время бежали на джонках из коммунистического Вьетнама.

В Польше мы поддерживали группировки и инициативы, не принадлежавшие к главному течению независимого самоуправяемого профсоюза «Солидарность», и знакомили западное общественное мнение с широким спектром разнообразных независимых движений, действовавших в стране, — в их числе была и «Борющаяся "Солидарность"», которая уже упоминалась, и окружение групп «Неподлеглоць» и «Обуз», и ряд подпольных издательств, действовавших за пределами крупных городов...

Парижский визит Горбачева в 1985 г. мобилизовал Интернационал на организацию в «Гран-Пале» альтернативного митинга защитников прав человека.

Весной этого же года мы сотрудничали с Всемирной конференцией молодежи, проходившей в Кингстоне на

Ямайке. Она явилась снайперски точным ответом молодых людей из свободного мира на подготовку Советов к глубоко идеологизированному XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов, намеченному в Москве на август того самого года.

В ноябре 1986 г. в Вене по случаю крупного международного совещания, открывающего деятельность ОБСЕ, состоялась пресс-конференция под девизом «Helsinki Mirror». Нужно упомянуть еще и проходивший в Париже в 1987 г. форум «Литература без границ», который совместно организовывали «Интернационал сопротивления», французский ПЕН-клуб и редакция «Континента». В нем принимали участие Иосиф Бродский, Чеслав Милош и более сорока других писателей. Потому что, как заметила Галя Аккерман, «представителей самых разных кругов легче собрать, призывая их бороться за свободу слова в СССР и Восточной Европе, чем требуя поддержать никарагуанских контрас или афганских моджахедов».

«Интернационал сопротивления» завершил свою деятельность в 1988 г. Вот что сказал о нем Владимир Буковский: «Мы сделали не так уж много, но то, что мы сделали, принесло немалый эффект».

-
1. «Борющаяся "Солидарность"» — радикальная антикоммунистическая подпольная организация, которую в июне 1982 г. основал во Вроцлаве физик-теоретик Корнель Моравецкий (р. 1941) — *Здесь и далее примеч. пер.*
 2. Юзеф Чапский (1896–1993) — польский живописец и эссеист; в 1939–1941 гг. — узник советских лагерей («Старобельские воспоминания», 1944). В 1941–1942 гг. состоял в Польской армии ген. В. Андерса в СССР, по его поручению вел поиски пропавших польских офицеров (отчет «На бесчеловечной земле», 1949), затем воевал во 2-м Польском корпусе, возглавляя отдел пропаганды и информации. С 1945 г. в Париже, соучредитель и постоянный автор парижской «Культуры».
 3. Э. Кузнецов был основным фигурантом в так наз. ленинградском самолетном деле (1970), по которому его приговорили к смертной казни, замененной на 15 лет лишения свободы. В 1979 г. он был освобожден в результате обмена на советских разведчиков и выехал в Израиль. В 1983–1990 гг. работал редактором новостного отдела на радио «Свобода». Не следует путать его с известным писателем-невозвращенцем Анатолием Кузнецовым.
 4. На этой варшавской улице размещается знаменитый

следственный изолятор, рассчитанный на 800 узников и построенный в 1902–1904 гг. еще царскими властями.

Выписки из культурной периодики

Когда уровень разного рода фанатизма в обществе меняется, причем в худшую сторону, т.е. нарастает, а общественное устройство кажется близким к распаду или хотя бы отчасти затронуто хаосом, стоит прислушаться к опытным людям, которых жизнь научила сдержанности и спокойному отношению к кажущейся безумной действительности. Действительность, о чем знают поэты, не бывает безумной — безумными становятся люди. Об этом знал и один из интереснейших представителей театрального искусства второй половины XX века — Ежи Гротовский, сегодня уже легендарная фигура, влияние которой на современный европейский театр не подлежит сомнению, подобно тому, как бесспорно влияние режиссерского искусства Константина Станиславского. Поэтому я с большим вниманием прочел пространный очерк «О „постсовременном неандертальце”» одного из ближайших сотрудников Гротовского, Людвика Фляшена, опубликованный на страницах вроцлавского ежемесячного журнала «Одра» (№ 12/2015). Л. Фляшен пишет: «Жизнь людей моего поколения, особенно нас, людей из Центральной и Восточной Европы, из „Европы похуже”, почти вся, с самого детства проходила в местах, над которыми призрак тоталитаризма в его различнейших оттенках кружил вплоть до 1989 года. (...) Годы учебы этого поколения (...) не текли в ритме, предусмотренном школьными учебными программами, или в естественном, свойственном развитию человеческой личности ритме — это был непредсказуемый, рваный ритм драматичной, жестокой истории XX века. (...) Мои школьные годы начались незадолго до Второй мировой войны — в Польше, в маленьком городке Цешинской Силезии, рядом с чешской и немецкой границей. После начала войны я ходил в польскую школу во Львове — городе, занятом Красной армией на Западной Украине, которую только что включили в состав Советского Союза. Я ходил в школу, разместившуюся в деревянном бараке, в лесном поселке для польских беженцев, которых затем вывезли на работы в российскую глубинку, в Марийскую автономную республику. Потом я оказался в школе для польских беженцев в городе Андижане, в Узбекистане, в Средней Азии. После возвращения в Польшу ходил в лицей в Кракове, городе моего рождения».

Упоминание в данном эссе лет учебы чрезвычайно важно, не случайно именно с этого начал Л. Фляшен свою лекцию по случаю присуждения ему степени почетного доктора Туринского университета в 2014 году. Можно сказать, что здесь Фляшен очерчивает своеобразный образовательный путь значительной части польской интеллигенции. Он говорит также о типе личности, который формировался на этом пути: «В мире моего детства и молодости, чтобы „быть кем-то” и попросту обрести круг друзей, надо было быть человеком читающим. Даже дети хвастались друг перед другом тем, что прочли. В доме моих родителей книга была окружена высшим пиететом. Отчасти, как я думаю, это шло от моей семейной традиции — традиции народа, называемого «народом Книги»; отчасти от польской традиции — традиции народа, идентичность которого в условиях вековой несвободы и разбросанности по миру концентрировалась вокруг великих поэтов и писателей, называемых пророками. А также от унаследованного рефлекса восточноевропейской интеллигенции. Эта интеллигенция следовала высокому призванию — ширить просвещение среди народа, возглавлять борьбу за независимость страны, нести обществу спасительные идеи. Книга была символом высоких устремлений личности. (...) Так, по следам книги, а не театра, мы приходим к Гротовскому. Как он многократно публично заявлял, книга британского путешественника Поля Брантона «Путешествие в тайную Индию», прочитанная им в детстве, в деревне, во время немецкой оккупации, каким-то чудом купленная мамой в городе, — эта книга открыла перед ним перспективы исканий всей жизни. Кем я есть? Этот сущностный вопрос гуру Махариши, о котором идет речь в книге Брантона, известен теперь, благодаря гуру из Понтедеры, всем театроведам и специалистам по антропологии театра. Ежи Гротовский, хотя и говорил, вслед за духовными наставниками, известными ему по книгам, что природу вещей, сущность вещей нельзя ни постичь, ни передать через слова, был страстным книголюбом. (...) Плоды творческой жизни Гротовского известны, но менее известна почва, из которой они черпали свой первичный витальный импульс. (...) Творческие проекты и практики Гротовского не рождались как некая абстракция, из чисто профессионального знания, в платоновских сферах, где, в конечном счете, витают гуманитарные идеи. (...) Абсолют искусства, высокое призвание профессионального мастера и та загадочная субстанция, которую Гротовский определил как «тело-сущность», рождаются в исторической конкретике, в повседневности жизни, среди событий, о которых сообщает пресса, под давлением *Zeitgeist* [духа времени]. После ночного чтения мистиков Гротовский лихорадочно просматривал

утренние газеты. (...) Деятельность «Гротовского and Company» была попыткой ответа на вопросы, которые появлялись перед человеческой личностью попавшей в силки тоталитаризма. Как из них выпутаться? Как остаться в ладу с самим собой? Как себя творчески осуществить? Как — в таких кафкианских обстоятельствах — провести аутентичную самооценку? (...) Упрощая, можно было бы сказать, что главной темой, осью всех спектаклей Гротовского была личность, в тисках деспотичного общества, мечущаяся в судорогах — скажем по-ученому — авторитарного синдрома».

Что такие вопросы возникают не только под жестким тоталитарным гнетом, но остаются актуальными даже в самых развитых демократиях, мы часто убеждаемся — и это бывает не только неожиданно, но и болезненно. Дело, пожалуй, в том, что те самые «кафкианские обстоятельства» уже прочно — когда очевидно, когда невидимо — вписаны в нашу общественную жизнь, а свобода, как говорят философы, нам не дана, а задана. Фляшен это подчеркивает: «Казалось, что после 1989 года, после самоликвидации коммунизма, мы решительно перешли в посттоталитарную эпоху. И вот — неожиданно — наша старая Европа, после совсем недавней *belle époque* мира, достатка, толерантности и демократической меланхолии, оказалась в преддверии нового тоталитаризма. Его характерные симптомы и тенденции прибыли к нам из других краев, из других времен, которые ассоциируются у нас с глубоким средневековьем, с эпохой костров инквизиции и религиозных войн. (...) Вот и благосклонная судьба, подарив мне долгую жизнь, позволила дожидаться еще одной формы тоталитаризма, явно теократического. С ним предстоит бороться молодым поколениям европейцев. Удачи им».

Тем временем фанатизм разного толка, в том числе религиозный, похоже, усиливается по всей Европе. Об умении дистанцироваться от него рассказывает, опираясь на собственный жизненный опыт, проф. Кшиштоф Помян, философ, директор брюссельского Музея Европы, многолетний сотрудник парижской «Культуры» Гедройца. В интервью, опубликованном в журнале «Тыгодник повшехны» (№ 51–51/2014), под заголовком «Я за собой убегу» он говорит: «Молодые философы вообще не отличаются ни особой толерантностью, ни снисходительностью. Они уверены, что взгляды, которым они привержены, — единственно правильные, и полагают, что люди, которые таких взглядов не разделяют, тем самым демонстрируют умственную неполноценность. (...) Существуют фанатики по самому своему характеру. Когда-то это были фанатичные коммунисты, потом

у них случился краткий *lucidum intervallum* [период вменяемости], то есть временная ремиссия, когда их можно было с грехом пополам вытерпеть, а потом они стали фанатичными антикоммунистами. Вот они такие, и с этим ничего не поделаешь. (...) Я не думаю, что когда-либо был фанатиком. Я всегда был склонен — и это даже пугало моих товарищей — задуматься над тем, как все это выглядит с другой стороны. Меня интересовало, кто тот противник, с которым мы боремся, и как все представляется с его точки зрения. Для меня, как для молодого коммуниста, это составляло проблему и характеризовало меня самым скверным образом. Товарищи полагали, что можно человека от этого вылечить, но меня вылечить не удалось. Я никогда не был также фанатичным антикоммунистом. Я просто перестал быть коммунистом, а потом стремился политически и интеллектуально ответственно подходить к тому, что я делал. (...) Я рано почувствовал, что есть многое на этом свете, что и не снилось мудрецам-философам. (...) Это очень быстро до меня дошло — не знаю почему, не знаю как, не знаю откуда. Наверное, если у тебя отец погиб в сталинском лагере, а мать рассказывает об этом открыто, это не проходит бесследно. Впрочем, случай редчайший: у меня в доме говорили, где и как погиб отец, и о том, что Коммунистическая партия Польши была перебита в Советском Союзе. Я все это знал еще подростком. Круг, в котором о таких вещах можно было говорить, был невероятно ограниченным, но он был. Это был урок на всю жизнь».

Как видим, восточный образовательный путь имеет в Польше немалое значение. И это соотношение присутствует, когда проф. К. Помян разворачивает свой рассказ далее: «Я вам кое-что скажу. Моя мать была неверующей. Еврейка, ставшая в молодости коммунисткой. Она в полной мере осознавала свое происхождение, но никак не отождествляла себя с еврейством, не говоря уж о религии. Я хорошо помню, что в 1943, наверное, году мне попались какие-то антирелигиозные агитки, изданные в Советском Союзе в 20-е или 30-е годы. Где-то я нашел эти книжечки, не помню где. Принес домой, начал просматривать. (...) И мама устроила мне настоящую сцену: «Ты не должен этого читать, это глупости, мы люди неверующие, но религию надо уважать». Такая точка зрения меня потрясла и оказала на меня существенное влияние. Потом уже, сразу после войны, я принес домой газетку «Польский безбожник». Мама взглянула и сказала: «Ты попусту тратишь время». Сказала, что есть люди верующие, есть неверующие — и это надо принимать. Это был хороший урок, который очень пригодился мне в жизни, когда у меня появилось много

друзей-католиков. И они у меня есть по сей день. Агрессивный антиклерикализм и антирелигиозность мне столь же чужды, как определенного типа агрессивный антикоммунизм».

В конце интервью проф. Кшиштоф Помян затрагивает нынешнее положение в Польше и распространяемый определенными кругами тезис, что Польша, после правления прежних властей, это страна, лежащая в руинах: «Много есть таких утверждений, которые мне трудно принять. Например, если кто-то говорит: „Польша лежит в развалинах”. Я приехал в Польшу в 1946 году из Семипалатинска через Щецин. (...) Рикша вез меня через гетто, и трудно было поверить в то, что я видел. (...) Так что скажу искренне: когда я, как представитель общественных наук, слышу, как кто-то говорит, что «Польша лежит в руинах», я удивляюсь. В мое сознание с трудом укладывается, что эти люди прекрасно знают: это неправда. (...) Мы лишь до определенной степени можем постичь человеческое существо. Возможно, какие-то вещи мы никогда не поймем. Я полагаю, что человек не может быть прозрачным для самого себя — ни как отдельная личность, ни в глобальном масштабе. (...) Может, это и к лучшему. Мне иногда приходит в голову мысль: ведь очень это хорошо, что мы сами себя до конца не понимаем. Скорее всего, если бы полностью поняли, то могли бы лишь ужаснуться».

Наверное, да. А я тем временем печально размышляю о том, что сильные мира сего забыли (забыли ли? возможно, захотели забыть...), что на минувший год пришлась круглая дата — 200-летие важного, а для России даже очень важного, события: 200 лет назад завершился Венский конгресс.

Збигнев Дмитроца

Из книги «Геоглифы» (2014)

Перевод Игоря Белова

XX век

XX век

как спущенная на воду лодка
медленно дрейфует в глубины
памяти свидетелей
Еще минуту назад был он
на расстоянии вытянутой руки
взгляда
сознания
Но никто по нему не вздыхает
как по его младшему
на сто лет брату
Миллионы его жертв
взывают к небу о мести
а те что счастливо его пережили
от стыда воды в рот набрали
Смотрят с облегчением
как отплывает
в небытие
25-26 августа 2011

Раскопки абсурда

Не отвалом бульдозера
не ковшом экскаватора
не огородным заступом
не саперной лопатой
только
детской лопаткой
осторожно
слой за слоем
нужно снимать с земли
кровавый налет истории
до бесплодной до самой почвы
не удобренной прахом
жертв и палачей

Ибо лишь там
где нет жизни
не бывает смерти
20 февраля 2011

Мене, текел, фарес

На небе словно взятом с буклета
бюро неземных путешествий
самолет начертил случайно
непонятные знаки
Никто прочитав не в силах
случайных пророческих слов
Даже кровавый оттенок заката
кажется трюком рекламным
14 ноября 2010

Одноразовость

Всё одноразовое вытеснило
вещи многократного применения
Одноразовая бутылка
пакет авторучка
Одноразовая тарелка
вилка пеленка
Одноразовая бритва
юбка книга
(читается чтобы убить время
на ежедневном пути в никуда)
Одноразовый
хитон Деяниры
плат Вероники
и Туринская плащаница
Одноразовая судьба
одноразовая смерть
одноразовая — жизнь
26 августа 2011

Гости

Первым в наш дом заявился сверчок
Мы волновались что он не ест ничего
лишь стрекочет Пожил у нас три дня
и исчез не прощаясь

Через пару дней в полночь
неожиданно появилась лягушка
Мы боялись что ее съедят собаки
и в гостях потому не удерживали
А каждый год ближе к осени
толпами к нам вторгаются мыши
совершенно не обращая внимания
что у нас тут не проходной двор
7 августа 2011

Амбивалентность

Одни считают меня умным
другие глупым
Одни принимают мой ум за глупость
другие — глупость за ум
Не указываю им на ошибку
Сам не знаю кто из них ошибается
29 ноября 2013

Игроман

Всю жизнь безотчетно делал
хорошую мину при плохой игре
Так привык к этой маске
что обманул свой железный инстинкт
Не разобравшись вовремя
что игра не стоила не свеч
1 марта 2011

Реликвии

Рановато я вышел из Библиотеки
а теперь уж поздно туда возвращаться
С чувством вины до пределов терпения
разогреваю мыслью извилины мозга
С мясом отдираю от логических конструкций
механический язык Вспарываю нутро
пустым словам Ломаю суставы
одревенелой речи Опрокидываю
аксиомы златоустых сентенций
блеск имитируемой мудрости
Истинное золото – это молчание идиотов
серебро неподдельное – болтовня умников
А выше всего ценится дерьмо священных коров
будучи навозом, топливом и стройматериалом

Но дерьмо всегда будет только дерьмом
даже если его почитают как святую реликвию
Пока не вернется в лоно Матери-Земли
20-23 ноября 2009

Затворник

Так дистанцировался
от мира
что утратил чувство
реальности
2011

Скворцы, виноград и щедрость

Я не прижимист
мне не жаль
для скворцов спелых виноградин
Я в курсе
что благодаря этому
они с наслаждением могут
предаваться запойному пьянству
А тучи пьяных в стельку скворцов
способны
превратить мой райский сад
в преддверие ада
14 сентября 2011

Збигнев Дмитроца (р. 1962) — поэт, прозаик, переводчик, сатирик и драматург. Автор и переводчик более пятидесяти книг для детей и взрослых. Создатель и автор созданной в 2003 году Чемоданной труппы одного актера «Театр просто загляденье». Важное место в его творчестве занимают переводы русской поэзии. Среди переведенных авторов — классики XIX века: Лермонтов, Тютчев, Фет; поэты «серебряного века»: Блок, Ахматова, Гумилев, Мандельштам, Кузмин, Ходасевич, Цветаева, Пастернак, Есенин, Волошин, а также современные русские поэты: Бродский, Британишский, Бурич, Куприянов, Померанцев и другие. В 2015 году вышла его авторская антология переводов современной русской поэзии «Радио Свобода».

Культурная хроника

В культуре наступают новые времена. Причем стремительно.

17 декабря взоры всей Польши были обращены в сторону Кракова: в театре им. Юлиуша Словацкого представляли новую историческую политику президента Анджея Дуды. Президентский министр Войцех Колярский говорил о том, «какая историческая политика нужна полякам», а выступление министра Кшиштофа Щерского было озаглавлено «Нет Европы без Польши». Торжество вели актеры — переодетый в маршала Пилсудского Ежи Зельник и Халина Лабонарская в ренессансном платье. Собравшиеся исполнили польский гимн и «Клятву» Марии Конопницкой, актеры читали патриотические и религиозные стихи.

Основные положения национальной исторической политики в послании, зачитанном Халиной Лабонарской, обрисовал проф. Петр Глинский, вице-премьер и министр культуры. «Историческая политика — это приоритет министерства культуры и национального наследия. Мы будем реализовывать ее, строя новые институты и поддерживая те программы и проекты, которые позволяют нам гордиться польскими достижениями в области культуры», — написал, в частности, вице-премьер Глинский.

Проф. Анджей Новак, назначенный президентом Польши ответственным за польскую историческую политику, обозначил семь столпов, на которых она зиждется. Среди них оказались: благодарная память о предшествовавших поколениях, польская культура, польская наука, польское предпринимательство, укрепление любви к Отчизне и национальной общности, а также святость. «Быть может, именно благодаря своими прекрасными святым — таким, как св. Иоанн Павел II, св. сестра Фаустина или св. Максимилиан Кольбе — Польша сегодня известна в мире», — сказал проф. А. Новак и добавил: «А самая читаемая польская писательница — это вовсе не Вислава Шимборская или Ольга Токарчук, а именно св. Фаустина со своим „Дневником”».

Встрече в театре им. Ю. Словацкого сопутствовала презентацией новых книг издательства «Бялы крук». Публике представили три работы: «История Польши», том 2, проф. Анджея Новака, «966. Крещение Польши» проф. Кшиштофа Ожога и «Мария, Королева Польши» Адама Буяка и священника проф. Вальдемара Хростовского.

Польскому ПЕН-клубу, основанному по инициативе Стефана Жеромского в 1925 году, — 90 лет. 7 декабря по случаю юбилея состоялась торжественная встреча в Королевском замке в Варшаве. Во время торжества были названы лауреаты премии польского ПЕН-клуба за выдающиеся достижения в деле перевода польской литературы. Это три переводчика: Рената Шмидгалль из Германии, в чьем творческом багаже переводы произведений Стефана Хвина, Анджея Стасюка, Яцека Денеля; украинец Андрий Павлышин, переводивший Бруно Шульца, Збигнева Херберта, Зигмунта Хаупта; Андрей Хаданович из Белоруссии — переводчик поэзии, в частности К.И. Галчинского, Збигнева Херберта, Яцека Качмарского. Лауреаты выступили с торжественными речами, а Андрей Хаданович к тому же исполнил песню Яцека Качмарского «Стены» по-белорусски.

В торжестве в Королевском замке, которое вел председатель польского ПЕН-клуба Адам Поморский, приняли участие министр культуры и национального наследия проф. Петр Глинский и президент столицы г-жа Ханна Гронкевич-Вальц. Письмо президента Анджея Дуды зачитал министр Войцех Колярский.

Адам Поморский торжественно зачитал принципы, содержащиеся в Международной хартии ПЕН. В том числе такие слова: «ПЕН-клуб отстаивает свободу прессы и отвергает жесткую цензуру в мирное время — в уверенности, что неуклонное движение мира ко всем формам общественной и хозяйственной организации требует свободы критики правительств, ведомств и институтов. А поскольку свобода подразумевает добровольное ограничение, члены обязуются выступать против таких злоупотреблений свободой прессы, как лживые публикации, различные подтасовки или искажение фактов в политических и личных целях».

Эти слова прозвучали в Большом зале Королевского замка с исключительной силой.

На 2016 год приходится 170 годовщина со дня рождения и 100 годовщина смерти Генрика Сенкевича. Так что предстоит Год Сенкевича — такое решение принял Сейм 22 декабря. С соответствующим предложением выступила группа депутатов «Права и справедливости». В решении подчеркивается, что Сенкевич — это «первый поляк, отмеченный Нобелевской премией в области литературы, присужденной за совокупность творчества». И далее: «Его исторические романы поддерживали дух нескольких поколений поляков в минуту национальных бедствий», поэтому «наследие Сенкевича должно стать основой патриотического воспитания молодых поколений поляков».

По вопросу о Сенкевиче в Сейме выступила депутат от «Права и справедливости» Иоанна Лихоцкая, до недавнего времени журналистка лояльной по отношению к ПИС «Газеты польской». С трибуны Сейма г-жа депутат возмущалась, что молодое поколение мало знакомо с творчеством автора «Трилогии»: «Мы можем повторить вслед за Станиславом Цатом-Мацкевичем: „Мы все — из него“. Однако поколению наших детей такая фраза уже не придет в голову».

Иоанна Лихоцкая приводила примеры ухудшающегося, по ее мнению, отношения к писателю в течение последних 26 лет, утверждала, что произведения нобелевского лауреата безосновательно критиковались и постепенно «вычеркивались» из школьных списков литературы (хотя его произведения по-прежнему входят в обязательную программу начальных школ, гимназий и лицеев). И это, полагает г-жа Лихоцкая, вписывалось в «педагогику стыда» и «было, увы, очень эффективным».

В таком положении вещей виновата, в частности, «Газета выборча», — полагает г-жа депутат и цитирует фрагмент фельетона Романа Павловского 2014 года: «То, чем Сенкевич потчует, это даже не вино из заплесневелой бутылки Заглобы, а некритичная идеализация прошлого. Это отождествление католицизма с патриотизмом и национальной идентичностью, ксенофобия и провинциализм, комплекс Мюнхгаузена и мания величия. Это, наконец, стереотип затравленной, требующей охраны польской натуры, когда любой чужак воспринимается как враг. Такая адская смесь, которая призвана была вернуть полякам самоуважение в период разделов, сегодня оказывается ядом, отравляющим общественную жизнь и общественное сознание. Ментальная инфантильность наших политиков, сарматское упрямство

самоутверждения, крайний индивидуализм, состязания в том, кто больше поляк — все это фатальное наследие популярных романов Сенкевича».

Депутат Лихоцкая смело могла расширить репертуар, не ограничиваясь исключительно авторами «Газеты выборчей». Ведь среди критиков произведений Сенкевича много выдающихся публицистов, литературоведов и писателей, которые пробовали демифологизировать предложенную автором «Трилогии» и «Крестоносцев» историю Польши. Всего несколько примеров: Александр Свентоховский, Станислав Бжозовский (с его знаменитой фразой: «Он классик польской темноты, шляхетского невежества»), Болеслав Прус, Витольд Гомбрович. Последней и сегодня встал комом в горле у поклонников автора «Огнем и мечом». В «Дневниках» Гомбрович написал: «Читаю Сенкевича. Мучительное чтение. Мы говорим «паршиво» и продолжаем читать. Говорим «какая дешевка» и не можем оторваться. Мы кричим «невыносимый опус!», но, замороженные, не прерываем чтения. Мощный гений! Видимо, никогда не было такого первоклассного второразрядного писателя. Это Гомер второй категории, это Дюма-отец первого класса».

Сейм принял решение объявить 2016 годом Феликса Нововейского. На 2016 год приходится 70 годовщина смерти, а годом позже исполнится 140 лет со дня рождения музыканта. Феликс Нововейский — композитор, дирижер, педагог, органист-виртуоз, камерарий папского двора — сочинил, в частности, музыку к «Клятве», знаменитым стихам Марии Конопницкой, начинающихся словами: «Не оставим землю, откуда наш род». «Он был автором многих патриотических песен, которые укрепляли национальную идентичность поляков. В независимой Польше принимал активное участие в формировании и организации художественной жизни. Его творчество оказало влияние на музыкальную культуру всего мира, в особенности культуру Польши. Музыкант всегда стоял на стороне польского духа и польской культуры», — читаем в решении Сейма.

2016-й — это также год св. Адама Хмелёвского, тихотёмных^[1] и 1050-летия крещения Польши.

Лауреатом Лодзинской литературной премии имени Юлиана Тувима, возобновленной в 2013 году, стал Ярослав Марек Рымкевич (р. 1935), автор романов, пьес, биографических эссе, но прежде всего — поэт. Премия (50 тыс. злотых) присуждается за совокупность творчества. Выбор Рымкевича в качестве лауреата, о чем было объявлено 13 декабря, вызвал настоящую бурю. Поэт правых политических взглядов, трубадур Ярослава Качинского, сторонник теории покушения в Смоленске (в одном из своих стихов он писал о «крови на белых перчатках Туска», той самой, «шлангом смываемой на рассвете» с пассажирского кресла «Туполева»), Рымкевич — крайне противоречивая фигура. Он делит поляков на «народ патриотов» и «народ коллаборационистов», возвещает, что «предателей ждут варшавские фонарные столбы».

Поэт Пшемислав Овчарек, который вместе с умершим недавно Здзиславом Яскулой разрабатывал положение о премии, сказал во время торжественной церемонии в лодзинском Новом театре: «Я шокирован. Я не отождествляю себя с этим решением. Лодзь — неподходящий город для национализма. В городе Юлиана Тувима, Карла Дедечиуса и Яна Карского мы должны заботиться о толерантности и европейских ценностях! Втягивать литературные премии в политические споры — глупо и безвкусно. Принятое решение кажется заискиванием перед властью».

Протестовала также Слава Лисецкая, вдова Здзислава Яскулы, замечательный переводчик: «Мой муж сегодня переворачивается в могиле. Юлиан Тувим — тоже».

Капитул из пяти членов выбрал лауреата большинством голосов. Против голосовали Беата Стасинская (издатель и редактор) и Кинга Дуним (писательница, публицист, феминистка). Они отмежевались от вердикта, заявив: «В то время как в Польше нарастают националистические и антидемократические тенденции, мы не можем подписаться под таким решением. Мы всерьез относимся к литературе, во всех ее измерениях».

В предыдущие годы лауреатами премии имени Юлиана Тувима были Магдалена Туллии и Ханна Кралль.

Во время XXIV Вроцлавской «Ярмарки хороших книг» главным призом конкурса на лучшую книгу года «Перо Фредро» было отмечено издательство «Чарне» за книгу «На корточках» Анджея Стасюка с иллюстрациями Камиля Таргоша. В книгу

вошли созданные в разное время тексты, главная тема которых — животный мир.

Объединение польских кинематографистов присудило свои премии за выдающиеся художественные достижения и вклад в развитие польского кино в девятый раз. Лауреатами стали режиссер Ежи Хоффман (специальная премия) и кинокритик Божена Яницкая.

Польский институт киноискусства, занимающийся поддержкой и пропагандой польского кино, получил группу новых экспертов, утвержденных для сотрудничества с ним в 2016 году министром культуры и национального наследия. К списку, представленному директором института Магдаленой Срокой, вице-министр культуры Ярослав Селлин добавил известных правых публицистов — Рафала Земкевича, Роберта Текели, Эву Станкевич, Петра Зарембу. Всего в списке экспертов появилось 30 новых фамилий, исчезло более десятка, в том числе — имена двух писательниц и журналисток, связанных с феминистским движением — Казимеры Щуки и Агнешки Графф.

Сенатор Вальдемар Бонковский («ПИС»), фермер из Кашуб, обратился к членам городского совета Новой Руды с призывом лишить Ольгу Токарчук звания почтенного гражданина города. Рассказывая в программе Польского телевидения о своем последнем произведении «Якубовы книги» (получившем премию «Нике» за 2015 год), писательница заявила, что «надо будет лицом к лицу встретиться с собственной историей и отчасти написать ее наново, не скрывая всех тех страшных вещей, которые мы делали как колонизаторы, как национальное большинство, подавляющее меньшинства, как рабовладельцы, как убийцы евреев».

По мнению В. Бонковского, это высказывание писательницы находится «в абсолютном противоречии с принципами польской исторической политики и вредит доброму имени поляков как в самой Польше, так и за рубежом».

В связи с призывом сенатора В. Бонковского сразу же высказался польский ПЕН-клуб в заявлении от 17 декабря 2015 года: «Злоупотребляя мандатом сенатора, г-н Вальдемар

Бонковский призвал органы самоуправления Новой Руды лишить Ольгу Токарчук звания почетного гражданина города. Это попытка предоставить официальный статус публичной травле, сопровождающейся криминальными угрозами в адрес писателя. Предлогом послужило скептическое высказывание писательницы о национальных и общественных отношениях в Речи Посполитой. Призыв г-на Бонковского покарать это высказывание остракизмом содержит интенцию ввести в Польше субъективную идеологическую цензуру в защиту собственных стереотипов. Ничего хорошего не сулит, когда в вопросах свободы слова и мысли пытается навести порядок человек, известный главным образом благодаря приговору за подстрекательство к подделке документов и демонстрациям ярмарочного патриотизма под оскорбительными транспарантами».

Открытое письмо Вальдемару Бонковскому направил также проф. Пшемислав Чаплинский из Института польской филологии Университета им. Адама Мицкевича в Познани. В письме, в частности, можно прочесть: «Слова сенатора пробуждают определенные исторические ассоциации. Ранее столь же выразительный вердикт вынес Первый секретарь ПОРП Владислав Гомулка в 1967 году, заявив, что спектакль «Дзяды» по Адаму Мицкевичу в постановке Казимежа Деймека входит «в абсолютное противоречие» с исторической политикой партии и устремлениями народа. Спектакль тут же исчез с афиши. И практически тут же начали бастовать студенты. А через два года после этих событий команды Гомулки уже не было».

Прощания

8 декабря 2015 года умер Януш Одровонж-Пенёнжек, многолетний (1972–2009) директор Музея литературы им. Адама Мицкевича в Варшаве. Историк литературы, писатель и специалист музейного дела, он был членом Общества друзей книги, Литературного общества им. Адама Мицкевича, польского ПЕН-клуба, Союза польских писателей. Был награжден Кавалерским и Командорским крестами ордена возрождения Польши, Золотым крестом заслуги. В 2009 году получил Золотую медаль за заслуги перед культурой «Gloria Artis». Был удостоен звания заслуженный деятель культуры.

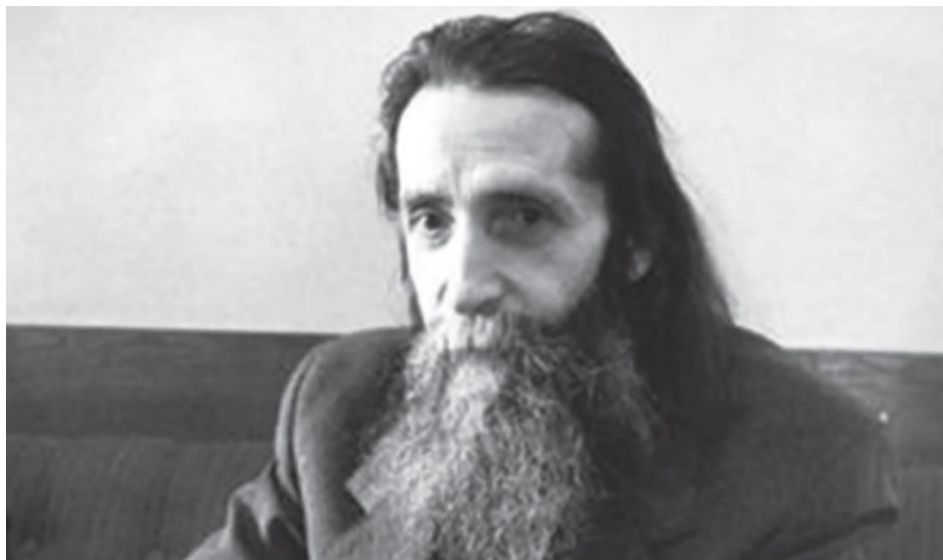
Автор книг: «Теория волн» (1964), «Брак с Линдой Винтерс, или на память о Глории Свенсон» (1971), «Вечеринка на Калле Гватемала» (1974). Его последняя опубликованная книга — мемуарный сборник под названием «Умоляю, только не профессор!» (2015), где автор вспоминает тех, с кем сводила его судьба, в частности, Витольда Гомбровича, Чеслава Милоша, Збигнева Херберта, Ежи Гедройца.

Янушу Одровонж-Пенёнжеку было 84 года.

1. Тихотёмные — во время Второй мировой войны созданное в Англии специальное формирование польских военных сил, предназначенное для предназначенное для обучения и подготовки руководящих кадров и специалистов по диверсиям и разведке. После обучения «тихотемные» забрасывались самолетами в Польшу, где штаб АК распределял их в соответствии с потребностями подпольной работы.

О чуткости

Владимир Британишский (1933–2015)

Трудно было найти более удачное топографическое решение, когда, после множества геологических экспедиций, пути которых вели в Якутию, Туву, Красноярский край, молодой геолог и поэт Владимир Британишский вместе с женой Натальей Астафьевой поселился в небольшой квартире на Малой Грузинской в Москве. Дом, в котором они прожили и проработали почти полвека, отделяет от польского посольства всего несколько сот метров. В таком соседстве Владимир Британишский отлично себя чувствовал, регулярно — хотя и с огромным трудом в последние месяцы — участвуя во встречах, которые организовывал московский Польский институт.

Владимир Британишский умер 24 декабря 2015 года в возрасте 82 лет.

Он принадлежал к числу наиболее выдающихся русских поэтов, эссеистов и переводчиков. Родился он 16 июля 1933 года в Ленинграде в семье художника Льва Британишского. В качестве поэта дебютировал в журнале «Звезда» (1955), а как прозаик в том же издании через полтора десятка лет (1969). Несколько десятилетий он занимался переводами английской и польской литературы на русский язык, а также был неумолимым популяризатором польской словесности —

в особенности поэзии — в России. Список его переводческих достижений внушительен, а выбор авторов, которых он переводил, свидетельствует о литературном «инстинкте» и вкусе: он перевел на русский язык произведения, в частности, Леополяда Стаффа, Ярослава Ивашкевича, Чеслава Милоша, Збигнева Херберта, Тадеуша Ружевича, Станислава Ежи Леца, Витольда Вирпши. Им опубликована двухтомная антология «Польские поэты XX века» (Санкт-Петербург, 2000 — совместно с Натальей Астафьевой), русский перевод «Порабощенного разума» Чеслава Милоша (Санкт-Петербург, 2003), «Избранные стихотворения» Збигнева Херберта (Санкт-Петербург, 2004). Кроме того, он перевел и подготовил к печати «Избранные стихотворения» Э. Э. Каммингса (Москва, 2004), а также авторскую антологию «От Уитмена до Лоуэлла» (Москва, 2005). Его статьи и очерки на тему польской поэзии появлялись в журналах «Вопросы литературы», «Советское славяноведение», «Новый мир», некоторые из них публиковались на польском языке. Особое — невероятно ценное — наследие составляют также беллетристически-мемуарные книги «Петербург — Ленинград. Стихи, рассказы, эссе» (Санкт-Петербург, 2003), «Поэзия и Польша. Путешествие длиной полжизни» (Москва, 2007), а также «Выход в пространство» (Москва, 2008).

Его авторские стихи в польских переводах Адама Поморского и Ежи Литвинюка дважды открывали номера «Творчости»^[1] (1987, № 2 и 2006, № 5). Наиболее полно на сегодняшний день поэтическое творчество Владимира Британишского представлено на польском языке в книге «Открытое пространство» (1982), подготовленной Юзефом Вачкувом, в переводах Мариана Гжешака, Ежи Литвинюка, Юзефа Вачкува, Виктора Ворошильского, а также в объемном двуязычном томе «Двуглас» с предисловием Адама Поморского, содержащий стихи Владимира Британишского и Натальи Астафьевой (Москва, 2005).

То, что он писал о польской поэзии, получалось дельным, объективным, но в то же время необыкновенно личным. Большая часть его критических очерков представляла собой следствие переводческой работы. Так что здесь не было ничего случайного: каждую строку он знал насквозь — еще и как поэт, потому умел открывать в переводимых им стихах отзвуки других текстов, которые иногда ускользали от польских читателей. От Яна Кохановского до самых выдающихся писателей и поэтов XX века. В своих эссе он указывал на значительные аналогии, взаимосвязи между ними, был кладезем блистательных ассоциаций. Что немаловажно, писал

он и о менее заметных, хотя и важных авторах: о Витольде Вирпше, Мариане Гжещаке, Яне Болеславе Ожуге. Многих из них он знал лично, неоднократно встречаясь с ними во время поездок в Польшу, со многими вел длительную переписку. Такой личный аспект, с опорой на понимание поэтического ремесла, способность к подробному анализу и литературно-исторические знания, помогал понять творчество каждого поэта, то, как оно менялось со временем, стилевые метаморфозы, направления развития. Так читать мог только другой поэт. Слово, которое, кажется, хорошо передает способ общения Владимира Британишского с польской поэзией, это «чуткость» — тонкая чувствительность в сочетании с точностью, ведь чуткое ухо регистрирует звуки, которые другим не удастся уловить среди шума.

На титульном листе феноменального тома воспоминаний, в котором описаны его долгие приключения с польской культурой, в дружеском посвящении он написал фразу, звучащую подобно манифесту: «Польша как синоним поэзии — так держать»! Эти слова я могу рассматривать не иначе как обязательство...

-
1. «Творчость» (Творчество) — польский литературный ежемесячник, выходящий с 1945 года — Прим. пер.

Британишский

В последнее время я часто думал о нем. Было много причин написать ему, но я все откладывал. И вдруг новость на Фейсбуке: 24 декабря ушел из жизни переводчик и полонист Владимир Британишский... Как это ушел? Ведь ему было всего... быстрый подсчет про себя и недоверие: 82 года? А ведь совсем недавно было 72... И только через секунду снова недоумение: почему переводчик и полонист, а не поэт, переводчик, эссеист? Для меня он был, прежде всего, поэтом, и я занимался, главным образом, этой областью его творчества. Мною переведено более сорока его стихотворений и несколько фрагментов из книги эссе и воспоминаний «Поэзия и Польша». Переводы создавались на протяжении нескольких лет. В какой-то момент появилась идея собрать их в книгу, однако довести ее до публикации не удалось. Когда в 2013 г. вышел его авторский сборник «Сто стихотворений», я с удовлетворением констатировал, что в нем оказалось значительное большинство переведенных мной стихотворений, в том числе последнее и, одновременно, одно из последних, которое я перевел: «Отсутствие способа слушать черного дрозда». В ходе работы над этим переводом между автором и переводчиком немного заискрило. Мы долго не могли договориться о том, как должны звучать некоторые строки. Мои решения не устраивали Владимира Львовича, а его предложения, свою очередь, не подходили мне. В конце концов, нам все же удалось согласовать окончательную версию, которая устроила и поэта и переводчика. Но это исключительно важное для его творчества стихотворение, и неудивительно, что автор бился за каждое слово. Отсюда также видно, что к своей поэзии он относился очень серьезно.

Поэтическое наследие Британишского не слишком обширно, переводческое наследие определенно превосходит его. В ранних стихотворениях явный след оставила профессия геолога и связанные с ней путешествия по Сибири, а также работа за Полярным кругом. Поэт рисует картины девственной природы и людей, которым выпало жить в тех суровых условиях. Нередко эти образы пропитаны иронией. Однако со временем природа уступает место культуре, все больше внимания уделяется человеку и городу. Появляются образы поэтов и писателей: Мицкевича, Державина, Пушкина, Крылова, Толстого, Салтыкова-Щедрина. Создается многомерный

панорамный портрет Вильнюса и, наконец, произведения об истории России и родного Ленинграда-Петербурга. Так же, как у Натальи Астафьевой, в частной жизни жены поэта, во многих стихотворениях появляется семья: мать, отец, бабушка, однако различие в опыте приводит к тому, что они очень отличаются от «семейных» произведений Астафьевой — они менее документальны, порой несколько ироничны. Интересно, что в стихотворениях, где большее внимание уделялось природе, поэт, в основном, пользовался верлибром, а когда в тематике его творчества возобладала культура и история, вернулся к классическому рифмованному стиху. Иногда он обращался и к нерегулярному рифмованному стиху, нередко инкрустированному изысканными рифмами, как точными, так и неточными. Со временем место тонкой иронии заняла горькая историческая рефлексия и истинно русский фатализм. Некоторые стихи, особенно поздние, так сильно насыщены топографией родного города и русскими историческими реалиями, что для иноязычного читателя просто непонятны, да и от отечественного требуют немалых исторических знаний и хорошего знания литературы. Но, как писал в одном из своих сонетов великий польский поэт Адам Мицкевич: «По слушателям быть назначено поэту»^[1]. Владимир Британишский прекрасно осознавал это, поэтому и писал так, как писал.

1. Из сонета А. Мицкевича «Извинение» в пер. В. Бенедиктова — *Примеч. пер.*